

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №187

КЕМЕРОВО 2022

21 ноября 2022
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзугцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail: admin@idpluton.ru

Подписано в печать 21.11.2022 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

Содержание

1. «ТЕНЕВЫЕ ДИРЕКТОРА» В РОССИЙСКОМ КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.....	3
Атасян А.А., Захарова А.Э.	
2. ПОНЯТИЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА.....	9
Грачева И.В.	
3. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ.....	14
Бутакова И.Р.	
4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ	18
Хлызова Т.С.	
5. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ	22
Вдовцев П.В.	
6. ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ.....	25
Абдуллин Р.	
7. ПОНЯТИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	28
Ильичев А.Д.	
8. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ И ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	31
Леманова Д.М.	
9. ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	37
Босякова А.А.	
10. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ С ПОЗИЦИЙ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ.....	37
Козлова Д.В.	
11. СИСТЕМА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	44
Алиева М.Б., Дикажев М.М.	
12. ДЛЯЩИЕСЯ И ПРОДОЛЖАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И УГОЛОВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ.....	47
Чехова Е.А.	
13. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОВОКУПНОСТИ.....	51
Штефан А.В., Сазонов М.В.	

Атасян Анна Арамовна**Atasyan Anna Aramovna**

Студент Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина,
E-mail: anna.atas01@gmail.com

Захарова Александра Эдуардовна**Zakharova Alexandra Eduardovna**

К.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права
Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии им.
О.Е. Кутафина,

УДК 34

«ТЕНЕВЫЕ ДИРЕКТОРА» В РОССИЙСКОМ КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

"SHADOW DIRECTORS" IN RUSSIAN CORPORATE LAW: CONCEPT AND RESPONSIBILITY

Аннотация: В отечественной практике в геометрической прогрессии увеличивается количество дел по привлечению к ответственности директоров компаний. Сложность гражданского оборота и развитие форм предпринимательского взаимодействия позволяют участникам оборота использовать всё новые и новые механизмы управления корпорациями. Усиление государственного контроля вынудило многих участников гражданского оборота осуществлять управление скрытно. В связи с данной тенденцией представляется необходимым анализ регулирования деятельности и, самое главное, ответственности таких лиц, целью которых является тайное осуществление своей деятельности.

Annotation: In domestic practice, the number of cases involving the prosecution of company directors is increasing exponentially. The complexity of civil turnover and the development of forms of entrepreneurial interaction allow the turnover participants to use more and more new corporate governance mechanisms. The strengthening of state control has forced many participants in civil turnover to manage covertly. In connection with this trend, it seems necessary to analyze the regulation of activities and, most importantly, the responsibility of such persons whose purpose is to secretly carry out their activities.

Ключевые слова: теньевые директора, ответственность, фактически контролирующее лицо, право.

Keywords: shadow directors, responsibility, de facto controlling person, law.

«Теньевые директора» - понятие, которое не найти в современном отечественном законодательстве. Однако в доктрине в последнее время всё чаще можно встретить упоминание о нём: в частности, в работах, посвященных корпоративному праву, трудовому праву и правовому регулированию в сфере банкротства.

В широком смысле под «теньевым директором» следует понимать лицо, которое осуществляет управление юридическим лицом в отсутствие на то формально-юридических оснований, то есть тайно. У таких лиц могут быть разнообразные мотивы: как правомерные (например, в целях построения крупной холдинговой структуры), так и незаконные (например, в целях ухода от ответственности или в обход установленных законом запретов на осуществление предпринимательской деятельности). В любом случае, такая деятельность не является заведомо противоправной. Такой она становится только в случае, когда деятельность такого «теневого директора» приводит к неблагоприятным последствиям как для самого общества, так и для его учредителей (участников). В целях реализации принципа справедливости, в таком случае такое лицо не должно уйти от ответственности за свои противоправные действия.

Впервые данное понятие появилось в англосаксонском праве, именно поэтому, целесообразным представляется начать исследование данного понятия именно в этой правовой системе.

В английском праве выделяется несколько видов директоров:

- юридические директора;
- фактические директора;
- теневые директора.

Де-юре директора (*de jure directors*) – директора компании, которые были надлежащим образом избраны или назначены на должность. Такие директора несут весь спектр обязанностей, в том числе и фидуциарных.

Де-факто директора (*de facto directors*) – директора, которые осуществляют управление компанией, не будучи при этом официально назначенными (избранными). Это возможно, например, в случае неправомерности процедуры назначения[1]. У данных директоров отсутствуют полномочия по управлению делами компании, однако за свои действия в отношении компании и в отношениях с третьими лицами они несут такой же объём ответственности, что и де-юре директора.

Теневые директора (*shadow directors*) – лица, которые осуществляют не прямое (тайное) управление компанией путем дачи обязательных для исполнения юридическим директором инструкций и указаний.

Основное отличие теневого директора от фактического в том, что теневой директор, в отличие от де-факто директора, не осуществляет самостоятельно действий директора, он лишь руководит ими [2].

Законодательное определение понятия теневого директора остается неизменным уже на протяжении ста лет. Впервые концепция теневых директоров появилась в английском праве в Акте о Компаниях 1917 года. На тот период одним из требований к компаниям была обязательная регистрация списка всех директоров и любых изменений, вносимых в данные списки. В связи с тем, что количество директоров стало увеличиваться, а информация о них не была зарегистрирована надлежащим образом, то появилась необходимость в выявлении и определении нового правового явления – понятия теневых директоров. Для того, чтобы лица, осуществляющие управление компаниями тайно, не оставались в сфере внеправового регулирования.

В результате этого в законодательстве была закреплена дефиниция, определяющая статус теневого директора, в соответствии с которой теневым директором признается лицо, в соответствии с инструкциями и указаниями которого привыкли действовать юридические директора компании. Это определение и на сегодняшний день осталось неизменным и дословно воспроизводится в ст. 251 Акта о Компаниях 2006 года [3]. Из буквального толкования данного определения можно сделать вывод, что для установления контроля со стороны теневого директора необходимы такие обстоятельства как направленность этого контроля на участников органов управления и постоянство такой деятельности.

Стоит сказать, что понятие теневого директора встречается также в Законе О дисквалификации директоров компаний (CDDA) 1986 года [4] и в Законе О банкротстве (*The Insolvency Act*) 1986 года [5], в частности, в соответствии с первым Актом, теневой директор может быть подвергнутым дисквалификации, а в соответствии со вторым - быть привлечен к ответственности за незаконную или мошенническую торговлю.

Что касается практики, при установлении теневого директора судам прежде всего необходимо определить степень влияния такого директора на компанию и на действия де-юре и/или де-факто директора. Одним из значимых дел в данном направлении было дело *Secretary of State for Trade and Industry v Deverell* 2001 года, в котором судья *Morrin J* установил, что для признания лица теневым директором не требуется установление факта контроля в отношении всего объема деятельности компании. Кроме того, де-юре и/или де-факто директор не обязан во всех случаях действовать в соответствии с указанными инструкциями теневого директора, достаточно доказать, что такие де-юре и/или де-факто директора обычно действует в соответствии с такими указаниями. *Morrin J* также указал на недопустимость сравнения теневых директоров с кукловодами, поскольку использование таких эпитетов чрезмерно повышает стандарты доказывания установления контроля такого лица [6].

По мнению Английских судов как на де-юре директоров, так и на де-факто директоров в равной мере распространяются обязанности директора, закрепленные в ст. 171 - 177 Акта о Компаниях 2006. Но множество противоречий встречается при анализе обязанностей и ответственности теневого директора.

Акт 2006 года содержит большое количество положений, посвященных де-юре директорам. Например, в некоторых статьях отдельно закрепляется правовая фикция, в соответствии с которой, при применении той или иной главы, теневой директор считается де-юре директором: «применение к

теневым директорам положений о контрактах с директорами на оказание ими услуг по управлению корпорацией».

На теневых директоров распространяется и значительное количество обязанностей де-юре директоров компании. В частности, на теневых директоров возлагается ответственность за разглашение коммерческой тайны; распространяется обязанность действовать в интересах компании. Несмотря на то, что в законодательстве Великобритании отсутствует обязанность обязательной регистрации теневых директоров, на них распространяется также ответственность за содержание реестров.

Необходимо отметить, что при принятии Акта о компаниях 2006 года именно вопрос ответственности теневых директоров стоял особенно остро, преимущественно в части распространения на них фидуциарных обязанностей.

В 2015 году был издан Акт о малом бизнесе, предпринимательстве и занятости (SBEEA), уточнивший, в том числе, и ответственность теневых директоров. На основе этого Акта были внесены изменения в ст. 170 (5) Акта о Компаниях 2006, в соответствии с которыми теперь обязанности директоров распространяются на теневых директоров компании в той мере, в какой они могут применяться, учитывая особенности правового статуса теневых директоров» [7]. Такая формулировка указывает, что в большинстве случаев на теневых директоров распространяются все обязанности директора.

Можно сказать, что отношения между компанией и теневым директором имеют доверительный характер, в связи с тем, что большинство этих обязанностей носят фидуциарный характер. Данная формулировка была воспринята профессиональным сообществом весьма неоднозначно, прежде всего с тем, что была повышена опасность привлечения к ответственности слишком большого круга лиц. Несмотря на это, соответствующая формулировка английского законодательства указывает лишь на возможность распространения на теневых директоров всех обязанностей де-юре директоров. Но следует помнить, что данная норма носит оценочный характер, и, безусловно, напрямую зависит от толкования ее судом.

Таким образом, вопрос о том, является ли лицо теневым директором, это прежде всего вопроса факта, который зависит от обстоятельств каждого конкретного дела и решается непосредственно судом.

Как уже упоминалось ранее понятие «теневого директора» отсутствует в отечественном законодательстве. Однако оно уже нашло отражение в судебной практике и в доктрине. Так, в решении АС города Москвы от 11 июня 2016 года по делу №А40- 56167/2016 под «теневыми директорами» понимаются «лица, формально не подпадающие под признаки контролирующих, но фактически принимающие решения по вопросам хозяйственной деятельности организации»[8]. В одном из учебных пособий по корпоративному праву под теневым директором понимаются «юридические и физические лица, обладающие фактической возможностью определять действия юридического лица, хотя они не являются единоличным исполнительным органом или членами коллегиальных органов управления юридического лица, не имеют в непосредственном владении его акции (доли участия)» [9].

В связи с отсутствием в российском корпоративном праве института теневых директоров, представляется необходимым определить, существует ли аналог данного института в отечественном законодательстве. В уже упомянутом выше деле АС города Москвы лицо, определенное в качестве «теневого директора», подлежало ответственности на основании п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, в которой речь идет об ответственности фактически контролирующего лица: «лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам, являющимся членами органов управления, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу».

Действительно, представляется, что именно этот институт в российском корпоративном праве является наиболее близким аналогом «теневого директора» в англосаксонском праве [10].

Стоит сказать, что в российском корпоративном праве отсутствует легальное определение фактически контролирующего лица. Помимо ГК РФ, оно отсутствует также и на уровне специального законодательства, в частности, в ФЗ «Об акционерных обществах» и ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», единственное упоминание «контролирующего лица» встречается в ст. 81 и ст. 45 соответственно, однако оно не подходит для тех целей ответственности, которые

установлены в ст. 53.1 ГК РФ.

Анализируя ст.53.1, а именно п.3, то можно попробовать вывести свое определение. Так, можно определить, что фактически контролирующее лицо - это лицо, которое имеет фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам, являющимся членами органов управления. Фактический характер такой деятельности указывает на то, что такая деятельность не имеет под собой формально-юридического основания. В случае, если дача обязательных указаний предусмотрена в Уставе общества, то лица, дающие такие указания, не будут квалифицированы в качестве фактически контролирующих лиц.

Исходя из п. 3 ст. 53. 1 ГК РФ мы не можем утверждать, что фактически контролирующее лицо осуществляет свою деятельность исключительно тайно. Можно задать вопросы каким образом данное лицо дает указание подконтрольному лицу: тайно при личном разговоре с членом семьи, который является членом органа управления такого подконтрольного общества, или же, рассылая этот указ на корпоративную почту такого подконтрольного общества, делая такие указания доступными всем участникам. Согласно английскому правопорядку, в первом случае лицо будет признано теневым директором, а во втором - де-факто директором. В российском же правопорядке представляется, что лицо и в первом, и во втором случае будет квалифицироваться на основании п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, то есть в качестве фактически контролирующего лица.

Кроме того, как уже ранее указывалось, в ст. 251 Акта о Компаниях 2006 года указывается, что теневой директор - это лицо, в соответствии с инструкциями и указаниями которого привыкли действовать юридические директора компании. В то время как в российском праве в п. 3 п. 53.1 содержится открытый перечень форм влияния, и дача указаний органам юридического лица является лишь одной из них.

Можно сделать вывод, в российском корпоративном праве понятие фактически контролирующего лица шире понятия «теневой директор» в англосаксонском праве. При этом отечественное законодательство, в отличие от английского права, содержит более скромное количество положений, регулирующих статус фактически контролирующего лица. В настоящий момент оно ограничивается единственной статьей ГК РФ.

Следует также не забывать разграничивать фактически контролирующего лица от контролирующего должника лица, содержащегося в банкротном законодательстве.

Данное понятие было введено в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ в 2009 году [11]. Так, в соответствии с п.1 ст. 61.10 этого Закона, под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Самым важным отличием контролирующего должника лица от фактически контролирующего лица в соответствии с буквальным толкованием ст. 61.10 является то, что для контролирующего должника лица не имеет значение, наличие или отсутствие формальной юридической связи между контролирующим лицом и подконтрольным, в то время как фактически контролирующее лицо в корпоративном праве всегда действует в отсутствие такой формальной юридической связи [12].

Целесообразным будет рассмотреть, как в отечественном законодательстве и судебной практике регулируются вопросы ответственности таких лиц. Установление правовых последствий для ответственных лиц – гарантия стабильности гражданского оборота и, конечно же, защиты третьих лиц. Представляется весьма несправедливым, когда лицу, действующему тайно, удается избежать ответственности.

Делая вывод о том, что наиболее близким аналогом «теневого директора» в отечественном праве является институт фактически контролирующего лица, рассмотрим, как данный институт регулируется в судебной практике и законодательстве.

Установление правовых последствий для ответственных лиц – гарантия стабильности гражданского оборота и, конечно же, защиты третьих лиц. Представляется весьма несправедливым, когда лицу, действующему тайно, удается избежать ответственности.

В целях недопущения такого поведения в 2014 году в ГК РФ был внесен п. 3 ст. 53.1, в соответствии с которым лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам, являющимся членами органов

управления, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. Пункт 4 ст. 53.1 указывает также на то, что в случае совместного причинения убытков юридическому лицу фактически контролирующее лицо обязано возместить убытки солидарно. Требовать возмещения убытков с фактически контролирующих лиц вправе само юридическое лицо, его учредители (участники) и члены коллегиального органа управления.

Таким образом, можно сделать важнейший вывод: российское корпоративное законодательство распространило на фактически контролирующих лиц фидуциарные обязанности (обязанности действовать разумно и добросовестно). Обязанность действовать разумно и добросовестно пришла из англосаксонского правового порядка, в котором данные фидуциарные обязанности именуется как *duty of care* (обязанность проявлять разумную заботливость) и *duty of loyalty* (обязанность проявлять лояльность). Наделение фидуциария такими обязанностями формирует высокий стандарт поведения, обязывающий лицо, осуществляющее управление корпорацией, действовать непосредственно в интересах самой корпорации. Российский правовой порядок также признал за органами юридического лица такие обязанности: действовать добросовестно и разумно. В соответствии с п. 3 ст. 53.1 ГК РФ они распространяются также и на фактически контролирующих лиц.

В целом можно сделать вывод, что цель российского корпоративного права – приравнять правовое положение фактически контролирующих лиц к положению директоров, избранных надлежащим образом. Для привлечения фактически контролирующих лиц к ответственности российским судам, равно как и английским судам, безусловно, необходимо исходить из обстоятельств каждого конкретного дела.

Если рассматривать дела о возмещении убытков, то помимо стандартных элементов доказывания при привлечении фактически контролирующих лиц к ответственности суду необходимо установить следующие факты:

1. Наличие фактического контроля и определение степени такого контроля;
2. Нарушение фактически контролирующим лицом фидуциарных обязанностей.

Один из наиболее сложных и важных вопросов – это установление наличия контроля фактически контролирующего лица воли юридического лица и определение степени такого контроля. Представляется, что в этой части суду необходимо будет доказать такие обстоятельства, как:

а) отсутствие самостоятельной воли у подконтрольного лица. При этом заметим, что факт отсутствия автономии воли у подконтрольного лица не освобождает такое лицо от ответственности. В частности, в деле ООО «РН-Аэро» АС Московского округа суд привлек подконтрольное лицо – директора дочернего общества к ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей [13];

б) зависимость между фактически контролирующим лицом и подконтрольным лицом. В частности, именно поэтому указания фактического контролирующего лица необходимо отграничить от консультаций, советов и рекомендаций. Данный подход представляется вполне разумным, поскольку рекомендательные акты не устранили автономию воли лица, которое на основе этих рекомендаций принимает решение;

При анализе привлечения к ответственности фактически контролирующих лиц дополнительно встает вопрос о судебных доказательствах, свидетельствующих о наличии возможности фактического контроля. Представляется, что в связи с тем, что фактически контролирующие лица стремятся прежде всего к тайному осуществлению своей деятельностью, получение прямых доказательств становится весьма проблематичным, и в данном случае суды должны принимать во внимание любые обстоятельства, которые могут прямо или косвенно свидетельствовать о наличии фактического контроля.

Проблематичность установления фактического контроля определяется, в том числе, и открытым перечнем оснований признания лица фактически контролирующим, однако стоит признать, что составление закрытого перечня было бы весьма проблематично в связи с постоянным совершенствованием таких форм со стороны участников оборота. Помимо установления наличия фактического контроля, сложность дел о привлечении таких лиц к ответственности в виде взыскания убытков обосновывается также и тем, что в подобных делах требуется доказывать совокупность целого ряда обстоятельств: противоправность действий, наличие вины, наличие убытков, причинно-следственную связь между деяниями и возникшими убытками. Дополнительно необходимо доказать недобросовестность и неразумность такого фактически контролирующего лица, при этом учитывая обычные условия гражданского оборота и обычный предпринимательский риск (*business judgment*)

rule), то есть тот риск, на который пошёл бы среднестатистический менеджер в подобной ситуации [14].

Ранее данное дело уже было упомянуто, но хотелось бы привести его в качестве примера к судебной практике, по применению п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Например, в решении АС города Москвы от 11 июля 2016 г. по делу № А40- 56167/2016 о взыскании с ответчика убытков в виде реального ущерба в размере 3 660 346 000 руб. суд установил неограниченный контроль ответчика над юридическим лицом на основании следующих фактов:

- дача в качестве основного совладельца и руководителя интервью газете «Ведомости», информационному portalу «Banki.ru», журналу «Финмаркет» о деятельности, проблемах и планах Банка на ближайшую перспективу;
- наличие рабочего кабинета в Банке, участие в переговорах от имени Банка и позиционирование себя как бенефициара;
- сложившаяся практика, в соответствии с которой для подписания любых договоров достаточно было устного решения ответчика.

В настоящем деле суд также определил ответчика в качестве «теневого директора». Причем заметим, что ответчик осуществлял свою деятельность не тайно, что больше роднит его не с «теневым директором», а с де-факто директором в рамках англосаксонского права.

Таким образом, подводя итог анализа ответственности фактически контролирующего лица, можно сделать вывод, что цель российского корпоративного права – приравнять правовое положение такого лица к директору, избранному надлежащим образом. В этих целях законодатель распространил на фактически контролирующее лицо фидуциарные обязанности де-юре директора, а именно обязанности действовать добросовестно и разумно. Данный подход представляется весьма разумным, учитывая интересы справедливости гражданского оборота. При этом практика привлечения таких лиц к ответственности на данный момент не до конца сформирована, многие дела рассматриваются в рамках дел о банкротстве или же с применением положений ФЗ «О банкротстве» и практики банкротных дел.

Библиографический список:

1. Re Hydrodam (Corby) Ltd [1994] BCC 161.
2. Moore, Colin R. «Obligations in the Shade: The Application of Fiduciary Directors' Duties to Shadow Directors.» Legal Studies, vol. 36, no. 2, June 2016, p. 344.
3. Companies Act 2006 // legislation.gov.uk.
4. Company Directors Disqualification Act 1986 // legislation.gov.uk.
5. Insolvency Act 1986 // legislation.gov.uk.
6. Secretary of State for Trade and Industry v Deverell [2001] Ch 340 para 35.
7. Companies Act 2006. § 170 (5): The general duties apply to a shadow director of a company where and to the extent that they are capable of so applying // legislation.gov.uk.
8. Решение АС города Москвы от 11 июня 2016 года по делу №А40-56167/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Корпоративное право: Учебник. / Отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2019. С. 475.
10. К данному выводу пришел, в частности, и Д.Г.Копылов. См.: Копылов Д.Г. Де-юре, де-факто и теневые директора в законодательстве и судебной практике Великобритании и России // Закон. 2019. N 4.
11. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. N 43. ст. 4190.
12. Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М.: Saveliev. Batanov & Partners. 2018 г. С. 90.
13. Постановление АС Московского округа от 8.02.2018 г. по делу N А40-13997/17 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Мифтахутдинов Р.Т. Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях // Закон. 2018. №6. С.10

Грачева Ирина Васильевна
Gracheva Irina Vasilyevna

магистрант Тольяттинского государственного университета, институт права

E-mail: irinarina@inbox.ru

УДК 342.26

ПОНЯТИЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА

CONCEPT OF URBAN DISTRICT

Аннотация: Статья посвящена анализу понятия «городской округ», законодательное определение которого содержит ряд недостатков, затрудняющих понимание его сущности и противоречащее действующему законодательству. Новый статус городского округа оставляет нерешенными множество вопросов, а, следовательно, нуждается в детальной доработке. В статье было проанализировано такое системообразующее понятие как «муниципальное образование», выделены признаки городского округа. В заключении был сделан вывод о том, что понятие городского округа сводится к тому, что под таковым понимается один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, которые не обладают статусом муниципального образования, местное самоуправление осуществляется населением и (или) через органы местного самоуправления и органы местного самоуправления наделены правом реализации отдельных государственных полномочий.

Annotation: The article is devoted to the analysis of the concept of "urban district", the legislative definition of which contains a number of shortcomings that make it difficult to understand its essence and contradict the current legislation. The new status of the city district leaves many issues unresolved, and, therefore, needs to be elaborated. The article analyzed such a system-forming concept as a "municipal formation", highlighted the signs of an urban district. In conclusion, it was concluded that the concept of an urban district boils down to the fact that it means one or more settlements united by a common territory that do not have the status of a municipal formation, local self-government is carried out by the population and (or) through local governments and bodies local self-government are endowed with the right to exercise individual state powers.

Ключевые слова: муниципальное образование; городской округ; административно-территориальная единица; населенный пункт; город; городской населенный пункт.

Key words: municipality; city district; administrative-territorial unit; locality; city; urban locality.

Прежде чем приступить к непосредственному исследованию понятия «городской округ», необходимо определиться с понятием «муниципальное образование», видом которого и является городское округ.

Категория «муниципальное образование», по замечанию И.В. Бабичева, законодатель использует «для обозначения территорий местного самоуправления» [10, с. 55]. При этом, определение муниципального образования отсутствует в действующей Конституции Российской Федерации [1], а Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) [2] определение сформулировано посредством перечисления его видов, к числу которых относятся:

- городское поселение;
- сельское поселение;
- муниципальный район;
- муниципальный округ;
- городской округ;
- городской округ с внутригородским делением;
- внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения.

В науке муниципальное образование понимают как «юридическое обозначение очерченного границей населенного пункта или населенной территории, на которых осуществляется местное самоуправление (муниципальная власть)» [11, с. 137]. В ч. 1 ст. 131 Конституции РФ указывается на то, что территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и местных

традиций. По данному поводу Конституционным Судом было отмечено, что «действующая в России система местного самоуправления основана на сочетании поселенческого и территориального (районного) самоуправления как исторически сложившихся форм территориального устройства публичной власти и самоорганизации населения» [7]. И это стоит учитывать в дальнейшем территориальном муниципальном строительстве.

Как уже было установлено выше, одним из видов муниципальных образования, является городской округ. Территориальной основой для правовой конструкции городского округа является «муниципальное образование» [14, с. 12; 21].

В настоящее время в сфере территориального устройства действуют два общероссийских классификатора: Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления (ОКАТО) [4] и Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований (ОКТМО) [5]. При этом, в обоих классификаторах присутствует административно-территориальная единица - «город», являющийся городским населенным пунктом, который следует отличать от городского округа.

Вопросы административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации относятся к полномочиям региональных органов государственной власти. В соответствующих региональных законах делаются попытки отрегулировать различные аспекты административно-территориального устройства.

Например, в Законе Самарской области «О наделении статусом городского округа и муниципального района муниципальных образований в Самарской области» [6] статусом городского округа наделены следующие города:

- город Жигулевск,
- город Кинель,
- город Новокуйбышевск,
- город Октябрьск,
- город Отрадный,
- город Похвистнево,
- город Сызрань,
- город Тольятти,
- город Чапаевск.

На основе анализа регионального законодательства Н.Е. Коломеец и А.Н. Чертков выделяют следующие признаки населенного пункта:

- территория в пределах установленной границы (черты);
- территория, имеющая сосредоточенную застройку;
- территория, служащая местом постоянного проживания людей [19, с. 45].

Верховный Суд РФ в одном из своих Определений сформулировал понятие населенного пункта как «населенное место (поселение), первичная единица расселения людей в пределах одного застроенного земельного участка (город, поселок, поселок городского типа, село)» [8].

А.Ю. Звягольский, И.В. Упоров и А.К. Захаров выделяют следующие признаки населенного пункта:

- «предназначенность для постоянного проживания людей;
- наличие сосредоточенной застройки; - наличие установленных границ;
- наличие статуса муниципального образования, либо вхождение в состав иной территории, имеющей статус муниципального образования;
- наличие названия и кода в ОКАТО» [18, с. 21].

Д.В. Добрачева населенный пункт определяет как компактно заселенную часть территории, место постоянного жительства граждан, имеющая необходимые для обеспечения жизнедеятельности граждан жилые и иные здания и сооружения, собственное наименование и установленные в соответствующем порядке территориальные пределы [16].

В науке можно найти различные определения города.

К примеру, Л.А. Велихов город определял как городской населенный пункт, социальная система которого представлена совокупностью людей, объединенных производственным, распределительным и потребительным моментом [15, с. 80].

В.С. Основин под городом понимал «населенный пункт, в котором большинство жителей не занимаются сельским хозяйством» [22].

По мнению В.П. Балезина, «городами являются наиболее крупные населенные пункты, жители которых заняты главным образом в промышленности, в сфере обслуживания, управления, науки, культуры. Для городов также характерны плотность заселения и компактность застройки» [12, с. 3].

В.В. Белозеров определяет город как «исторически образованную территорию на базе социально-демографических, экономических, градостроительных и иных особенностей» [13, с. 6].

Ряд ученых выделяют признаки, наличие которых позволит населенному пункту получить статус города, это, не менее 10-12 тысяч жителей [24, с. 43]; наличие структур, исполняющих административные функции [23, с. 48]; наличие публичной власти; территориальное единство города; собственные полномочия, необходимые городским органам власти для их реализации; наличие устава города [20, с. 42-43].

Д.В. Добрачева называет следующие признаки городского населенного пункта:

- сравнительно крупное (по сравнению с иными населенными пунктами) поселение;
- жители заняты в промышленности и сфере обслуживания;
- являются административными, научными, культурными и промышленными центрами [16].

В методических рекомендациях по подготовке нормативов градостроительного проектирования, утв. Приказом Минэкономразвития России городскими населенными пунктами признано считать населенные пункты, утвержденные законодательными актами в качестве городов и поселков городского типа (рабочих, курортных и дачных поселков). Все остальные населенные пункты являются сельскими [3].

Легально понятие городского округа закреплено в абз. 7 ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 131-ФЗ, согласно которому, это городское поселение, которое не входит в состав муниципального района и органы местного самоуправления которого осуществляют полномочия по решению установленных законом вопросов местного значения поселения и вопросов местного значения муниципального района, а также могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ, при этом не менее двух третей населения такого муниципального образования проживает в городах и (или) иных городских населенных пунктах.

Городской округ с внутригородским делением - городской округ, в котором в соответствии с законом субъекта РФ образованы внутригородские районы как внутригородские муниципальные образования (абз. 8 ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 131-ФЗ).

Итак, понятие городского округа сводится к следующему:

- он представляет собой один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, которые не обладают статусом муниципального образования;
- местное самоуправление осуществляется населением и (или) через органы местного самоуправления;
- органы местного самоуправления наделены правом реализации отдельных государственных полномочий.

Легальное определение городского округа обращает внимание на территориальную составляющую городского округа, который не входит в состав муниципального района [9].

Следует обратить внимание на то, что ч. 2 ст. 11 Федерального закона № 131-ФЗ, предусматривая возможным наделение статусом городского округа городских поселений, без ответа оставляют вопрос о наделении статусом городского округа одного или нескольких объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, как это определено в понятии.

Кроме того, ч. 2 ст. 11 Федерального закона № 131-ФЗ предполагает, что наделение статусом городского округа возможно лишь при соблюдении ряда требований, а также городское поселение должно иметь перспективы развития, наличие которых следует подтвердить генеральным планом данного городского поселения. Однако на практике данные требования трудно исполнимы [17].

Следующим спорным моментом представляется часть определения, согласно которой городской округ - это один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. Исходя из смысла сказанного следует, что местное самоуправление осуществляется именно в

населенных пунктах, а не в городском округе в целом. Представляется, что данная формулировка противоречит ч. 1 ст. 10 Федерального закона № 131-ФЗ, согласно которой местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации, в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения. То есть осуществление местного самоуправления допускается только в муниципальных образованиях, четко предусмотренных законом.

Таким образом, сформулированное законодателем определение городского округа затрудняет понимание его сущности и во многом противоречит действующему законодательству. Новый статус городского округа оставляет нерешенными множество вопросов, а, следовательно, нуждается в детальной доработке.

В целом же, понятие городского округа сводится к тому, что под таковым понимается один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, которые не обладают статусом муниципального образования, местное самоуправление осуществляется населением и (или) через органы местного самоуправления и органы местного самоуправления наделены правом реализации отдельных государственных полномочий.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. Приказ Минэкономразвития России от 15.02.2021 г. № 71 «Об утверждении Методических рекомендаций по подготовке нормативов градостроительного проектирования» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
4. Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления (утв. Постановлением Госстандарта России от 31.07.1995 г. № 413) (ред. от 17.12.2013) // СПС Консультант Плюс.
5. Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований (Тома 1-8) (утв. Приказом Росстандарта от 14.06.2013 г. № 159-ст) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
6. Закон Самарской области от 28.12.2004 г. № 189-ГД (ред. от 30.03.2015) «О наделении статусом городского округа и муниципального района муниципальных образований в Самарской области» // Волжская коммуна. 2004. 31 декабря. № 2474.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2011 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.М. Савостьянова» // ВКС РФ. 2011. № 4.
8. Определение Верховного Суда РФ от 09.11.2010 г. № 59-В10-14 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
9. Астафичев П.А. Территориальные основы местного самоуправления как объект правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 4.
10. Бабичев И.В. Конституционные новеллы для местного самоуправления: некоторый анализ // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 51 - 57.
11. Бабичев И.В. Муниципальное право: системно-структурный анализ юридических конструкций. М., 2010. 340 с.
12. Балезин В.П. Правовой режим земель населенных пунктов. М.: Юрид. лит., 1980.
13. Белозеров В.В. Особенности правового статуса городского поселения в системе муниципально-правовых отношений в Российской Федерации (на примере Московской области). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
14. Васильев В.И. Административно-территориальное устройство региона и территориальное устройство местного самоуправления // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 12.
15. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. В 2-х частях. СПб.-М., 1928. С.80.
16. Добрачева Д.В. Правовой режим населенного пункта [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2022.

17. Ерохина Т.В. Реформирование статуса городских округов: правовой анализ и оценка эффективности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 7. С. 41 - 45.
18. Звягольский А.Ю., Уповов И.В., Захаров А.К. Городской округ в системе муниципальных образований: праворегулирующий и правоприменительный аспекты: Монография. М.: НИИ ИЭП, 2016.
19. Коломеец Н.Е., Чертков А.Н. Территории административного подчинения в контексте решения проблем правового регулирования статуса населенных пунктов // Законодательство и экономика. 2013. № 9. С. 45-48.
20. Михайлов В.И. Проблемы правового регулирования территориальной основы местного самоуправления в субъектах Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
21. Моргунова Е.Р. Градостроительное зонирование и его влияние на установление правового режима земель // Юридический мир. 2013. № 11. С. 27 – 35.
22. Основин В.С. Городской совет - орган социального управления. М.: Юридическая литература, 1983.
23. Перцик Е.Н. Города мира: география мировой урбанизации: Учебное пособие. М.: Международные отношения, 1999.
24. Таболин В.В. К вопросу о правовой теории города // История государства и права. 2010. № 3. С. 43-46.

Бутакова Ирина Ришатовна
Butakova Irina Rishatovna

Магистрант Челябинского государственного университета, кафедры конституционного и муниципального права

УДК 34

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LEGAL SERVICE IN THE SYSTEM OF THE MIA OF RUSSIA

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены ключевые периоды развития юридической службы, роль и место в системе МВД России. Проведен анализ правовых актов, регламентирующих деятельность юридической службы на разных этапах ее развития, рассмотрены изменения структуры и полномочий правовых подразделений.

Abstract: This article discusses the key periods in the development of the legal service, the role and place in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The analysis of legal acts regulating the activities of the legal service at different stages of its development is carried out, changes in the structure and powers of legal departments are considered.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, юридическая служба, правовая экспертиза, юрисконсульт, правовое информирование.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, legal service, legal expertise, legal adviser, legal information.

Деятельность юридических подразделений является одной из важных составляющих успешной деятельности любой организации во всем мире, не является исключением и система МВД России. От правильной организации правовой работы зависят в целом эффективность механизма правового регулирования общественных отношений, обеспечение законности и правопорядка в государстве. Деятельность юридической службы МВД России получила свое развитие еще в 18 веке. Однако до недавнего времени датой создания в системе МВД России юридической службы считался более поздний период - 19 июля 1946 г., когда была создана Юридическая часть МВД СССР. В 2018 году история развития правового подразделения органов внутренних дел была пересмотрена и датой образования юридической службы стали считать 19 апреля (8 апреля по старому стилю) 1782 года, когда Екатериной II был принят Устав благочиния или Полицейский.

Невозможно рассмотреть развитие юридической службы отдельно от развития полиции в России, которое началось при Петре I, 25 мая 1718 г. Петром I издан Указ в соответствии с которым введена должность генерал-полицмейстера в обязанности которого входило главным образом обеспечение правопорядка, а также обеспечение пожарной безопасности, застройка домов в соответствии с архитектурными планами и иные. Многие из возложенных полномочий в настоящее время являются несвойственными для системы МВД и за их исполнение отвечают другие министерства и ведомства. До этого времени как такого полицейского ведомства не существовало, правопорядок обеспечивался за счет солдат, унтер-офицеров и других должностей.

Значимым событием в развитии юридической службы МВД России стало утверждение 19 (8) апреля 1782 г. Екатериной II Устава благочиния или Полицейского, данным документом определена структура полиции, возложенные на нее функции. Принятие Устава благочиния послужило отправной точкой развития правовых подразделений МВД России, именно этот день считается днем создания юридической службы МВД России. Обусловлено это следующими факторами: в соответствии с п. 48 указанного Устава полиция не имеет права применять нормативно-правовой акт, если он не обнародован, данный принцип действует и в настоящее время. Кроме того, Уставом регламентировался порядок издания полицией правовых актов, систематизации поступающих правовых актов, а также устанавливалась необходимость проведения правовой экспертизы и доведения принятых актов до исполнителей, а также до населения. Пункт 52 Устава регламентирует действия при получении правового акта (указания, учреждения, указа, повеления, приказа) в подразделение полиции, поэтапно расписано каждое действие, в том числе при поступлении правового

акта стряпчему (специально уполномоченному должностному лицу) необходимо дать заключение, если замечаний не выявлено, то правовой акт подлежит обнародованию – доводится до сведения населения квартальными надзирателями и приставами. Из анализа положений Устава следует, что именно в этот период заложены основы правовой работы в системе МВД России: проведение правовой экспертизы, правовое информирование, мониторинг правоприменения, систематизированный учет правовых актов. С этого времени без участия юристов не происходили изменения в законодательстве, регулирующего сферу органов внутренних дел, а также последующие реформирования системы МВД.

8 сентября 1802 года Манифестом Александра I «Об учреждении Министерств» создано Министерство внутренних дел Российской империи, за ним прочно закрепилась репутация важнейшего ведомства страны. Согласно этому документу, министр внутренних дел должен был заботиться о благосостоянии народа.

В первые годы правления императора Николая I обнаружилась нехватка специалистов с юридическим образованием. В связи с этим императорским указом было создано Императорское училище правоведения, в стенах которого осуществлялась подготовка квалифицированных юристов [1, 8].

История развития полиции менялась на протяжении многих лет, проводились различные реформы для эффективной работы ведомства, также в России развивалась и юридическая наука, происходила систематизация правовых актов, так в 1832 году принят Свод законов Российской Империи, который являлся официальным собранием действующих законодательных актов Российской Империи, расположенных в тематическом порядке. Это событие не могло не отразиться на развитии юридической науки и правовой системы России в целом.

Предпосылкой непосредственно создания в системе МВД самостоятельного правового подразделения можно считать представление министра внутренних дел, статс-секретаря Петра Александровича Валуева «Об учреждении юрисконсультской части при министерстве внутренних дел», согласно которого «в некоторых ведомствах давно уже признано иметь при центральных управлениях должностное лицо специально знакомое по своим юридическим познаниям и практике с судебной частью и с этой собственно целью, еще гораздо ранее предстоящей у нас судебной реформы учреждены, были особые юрисконсульты при министерствах: Императорского двора, военном, морском, при оберпрокуроре Священного синода и государственном банке» [2, 25].

Указом Александра II от 2 января 1868 г. «Об устройстве в некоторых Министерствах юрисконсультской части» создана в системе Министерства внутренних дел юрисконсультская часть в обязанности которой «входили регулирование и правовой контроль происходящих в государстве и обществе процессов» [3, 111].

Впоследствии 27 ноября 1880 года издан Указ Александра II «Об учреждении Судебного отдела в составе Министерства внутренних дел» согласно которого были упразднены юрисконсультские части, в замен их в структуре Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи образовано самостоятельное юридическое подразделение, в полномочия которого входило составление юридических заключений и обеспечение правового консультирования министра, а также разработка ведомственных циркуляров и инструкций [4, 181]. Таким образом, можно сделать вывод, что на юридическое подразделение были возложены следующие полномочия: правотворчество, правовая экспертиза, правовое консультирование, которые являются важными направлениями правовой работы и в настоящее время.

В дальнейшем юридическое подразделение регулярно претерпевало изменения, касающиеся возложенных на него функций, изменение штатного построения и т.д., что повлекло за собой неопределенность функционала и нехватку правового регулирования деятельности подразделения. Существенные изменения произошли после революции 1917 года и в самой полиции, департамент полиции МВД был упразднен, его преемником стал Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. В связи, с чем 20 июля 1918 г. в НКВД РСФСР образована юрисконсультская часть и утверждено Положение о ней, в котором определены полномочия «по осуществлению правового контроля при подготовке документов РСФСР на предмет соответствия действующим нормативно-правовым актам, подготовка законодательных предложений и урегулированием межведомственных разногласий» [4, 181].

Во время деятельности юрисконсультской части приказом НКВД от 16 августа 1923 № 9 утвержден Дисциплинарный устав Рабоче-крестьянской милиции, в котором определены права и обязанности сотрудников милиции, закреплены меры поощрения и меры дисциплинарного

воздействия [5].

Далее в январе 1919 года юрисконсультская часть преобразуется в юридической отдел, основные направления деятельности остаются практически неизменными. В последующие годы систему органов внутренних дел вновь ожидали преобразования, которые были связаны с внутренней и внешней политикой, Гражданской и Великой отечественной войнами и многими другими факторами.

Следующим этапом в развитии правовой работы в органах внутренних дел стало издание приказа МВД СССР от 19 июля 1946 г. № 00706 «О создании Юридической части МВД СССР», которым утверждено Положение о Юридической части МВД СССР. На юридическую часть возлагались обязанности по наблюдению за законностью издаваемых правовых актов в системе МВД СССР и консультированию по правовым вопросам, также предписано обязательное согласование с юридической частью проектов основных руководящих документов МВД СССР. Юридическая часть находилась в непосредственном подчинении Министра. Ранее именно 19 июля 1946 года считали днем образования юридической службы МВД.

В качестве самостоятельного подразделения юридическая часть существовала недолго, в 1954 году правовое подразделение вошло в штат секретариата и стало именоваться юридическое бюро. В 1957 году принято Положение «О юридическом отделе», согласно которому юридическая служба получила вновь статус самостоятельного структурного подразделения центрального аппарата МВД СССР, утверждена ее структура, штатная численность и полномочия.

В советское время в центральных аппаратах органов управления милицией постоянно присутствовали юридические подразделения, и только с конца 50-х годов 19 века юристы постепенно были введены на уровень среднего звена системы МВД СССР [6].

Необходимость четкой регламентации деятельности правовых подразделений привела к тому, что 19 февраля 1974 года издано Положение о юридическом подразделении, старшем юрисконсульте в системе МВД СССР, в соответствии с которым «правовые подразделения входили в состав секретариатов. В тот период времени перед юрисконсультами ставились задачи «по укреплению социалистической законности, борьбе с безхозяйственностью, улучшению экономической работы, разработке правовых средств сохранности социалистической собственности, обеспечению эффективности договорной работы и пропаганде современного актуального законодательства» [7, 27].

В 1989 году было создано самостоятельное подразделение центрального аппарата МВД СССР - Отдел правового обеспечения деятельности органов внутренних.

После распада СССР Россия получает суверенитет, полным ходом идет построение правового демократического государства. В деятельности органов внутренних дел роль правовых подразделений возрастает в связи с тем, что главной целью становится человек и обеспечение его прав, а также обеспечение законности. Правопреемником МВД СССР становится МВД России. В 1992 году создано Управление правового обеспечения МВД России - приказ МВД России от 29.01.1992 № 402, в 1995 году Правовое управление входит в состав Главного штаба МВД России, в 1998 году Правовое управление Главного штаба преобразуется в Главное управление правовой работы и внешних связей МВД России. Затем в 2001 году трансформировалось в два разных подразделения и стало именоваться Главное правовое управление МВД России, далее в 2004 году в Правовой департамент.

В соответствии с приказом МВД России от 5 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» [8] необходимо ввести должности юрисконсультов в подразделениях на районном уровне со штатной численностью сотрудников более 100, в некоторых случаях должности могли быть введены и при штатной численности менее 100. Этим же приказом утверждено Наставление по организации правовой работы в системе МВД России, которое действует и по настоящее время, Наставление регламентирует все направления работы правовых подразделений МВД России.

В 2000-х годах в период начала очередного реформирования системы МВД России на юридическую службу легло существенное количество нормотворческой работы, сотрудникам Правового департамента предстояло переработать нормативную базу, регулирующую деятельность МВД России, с чем они успешно справились, была проделана огромная работа юристов. В результате реформы в 2011 году принят Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», после этого события создается Договорно-правовой департамент, который выполняет функции головного подразделения в области правовой работы в системе МВД России [9].

История становления юридической службы МВД России была долгой и непростой, но прежде

все это связано и с тем, что в этот период времени происходило становление и государственности и российского права. Право получило свое развитие еще во времена древнего Рима, в Россию пришло гораздо позже, с развитием права возникла необходимость и в квалифицированных юристах, начали создаваться специальные учебные заведения с юридическими факультетами, роль юристов начала возрастать в связи с чем и государственные структуры не могли обойтись без квалифицированных юристов для обеспечения надлежащего функционирования. Можно выделить следующие этапы развития правового подразделения в МВД: Российская империя, Советский период и Российский, так как именно в эти периоды времени произошло активное развитие юридической службы.

На протяжении всей истории развития юридической службы МВД России происходило регулярное реформирование как структуры самого Министерства внутренних дел, так и непосредственно правовых подразделений, претерпевали изменения как организационно-правовая структура так и возложенные на подразделение задачи. На сегодняшний день юридическая служба МВД России включает в себя: управления, отделы, отделения, группы, направления на всех уровнях системы МВД России. Работа юридической службы является важным инструментом обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел в частности и государства в целом. С каждым годом в условиях постоянно изменяющейся внутренней и внешней политической обстановки объем правовой работы увеличивается.

Библиографический список:

1. Организация правовой работы: учебное пособие / А. В. Борисов, Ю. Л. Коробельникова, А. А. Косых и др. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. – 144 с.
2. Представление Министра внутренних дел статс-секретаря Петра Александровича Валуева «Об учреждении юрисконсультской части МВД Российской империи» от 14 февраля 1866 года. СПб., РГИА Ф 1284 оп 233 Д 7., л.д. 3–51.
3. Шапошников А.А. Предпосылки возникновения юридической службы в структуре Министерства внутренних дел Российской империи в середине XIX века // Государственная служба. – 2017 том 19. – № 4, – С. 109-112.
4. Кремнев Р.Н. К вопросу об истории становления правового контроля МВД России // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – № 6(1). – С.179-185.
5. Дисциплинарный устав Рабоче-крестьянской красной милиции: утверждается Наркомвнутдел А. Белобородов, зам. пред. Реввоенсовета Э. Склянский, Наркомюст Курский, Наркомтруд РСФСР Бахутов. 16/VIII-1923 г., г. Москва: приложение к приказу Начальника Центр. Администрат. Управления НКВД - Начальн. Милиции Республики, № 9, 1923 г. – Н. Новгород: Нижполиграф, 1923. – 16 <https://www.prlib.ru/item/331402/>, дата обращения: 15.11.2022.
6. Интернет-интервью с В.В. Черниковым, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации: «Юридическая служба в системе МВД России: 65 лет истории». <http://www.consultant.ru/law/interview/chernikov2>, дата обращения: 15.11.2022.
7. Котляр А. И. Генезис и тенденции развития юридической службы Министерства внутренних дел Российской Федерации / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 24–30.
8. Приказ МВД России 05.01.2007 № 6 (ред. от 23.12.2021) «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289909/, дата обращения: 15.11.2022.
9. [Приказ МВД России от 21.07.2011 № 865 \(ред. от 28.12.2021\) «Об утверждении Положения о Договорно-правовом департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации»](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_235547/) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_235547/, дата обращения 15.11.2022.

Хлызова Татьяна Сергеевна
Khlyzova Tatyana Sergeevna

Студентка Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина,
Юридического института.

УДК 343.852

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

ACTUAL PROBLEMS OF THE ELECTION AND APPLICATION OF A PREVENTIVE MEASURE OF DETENTION IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

Аннотация: в работе рассмотрены эволюция меры пресечения заключения под стражу в уголовном судопроизводстве; законодательство Российской Федерации и практика его применения в сфере избрания и исполнения меры пресечения.

Abstract: the paper considers the evolution of the preventive measure of detention in criminal proceedings; the legislation of the Russian Federation and the practice of its application in the field of election and execution of a preventive measure.

Ключевые слова: избрание меры пресечения, мера пресечения, заключение под стражу, уголовное судопроизводство.

Keywords: election of a preventive measure, a preventive measure, detention, criminal proceedings.

Актуальность работы определена тем, что мера пресечения в виде заключения под стражу применяются гораздо чаще, чем остальные меры. Из такой ситуации вопрос насколько правомерны такое частое использование данной меры, какие обоснования применяются уполномоченными органами для получения в суде удовлетворенного ходатайства. Сложившаяся правоприменительная практика показывает, что обоснования не всегда носят объективный характер, а основываются на предположениях. В связи с этим, мы приходим к выводу, что такой правоприменительный подход требует пересмотра.

Различные общественные правоотношения в определенных случаях требуют судебного разбирательства, поэтому для каждого вида правоотношений законодатель постарался предусмотреть процессуальный порядок судебного производства по различным делам.

Важно отметить, что Конституция Российской Федерации закрепляет за каждым гражданином право на свободу и личную неприкосновенность, однако если личная свобода стала предметом преступления, то законодатель предписывает ряд правил, которые обеспечивают эту свободу и неприкосновенность, в случае посягательства на нее другими лицами. Справедливое разрешение дел в судебном судопроизводстве и корректное применение мер процессуального принуждения является неотъемлемой частью принятия правильного решения по делу.

По мнению А.В. Гриненко, меры уголовно-процессуального принуждения могут быть применены:

- только в сфере уголовного судопроизводства и по возбуждённому уголовному делу;
- уполномоченными на это субъектами процесса;
- при наличии обстоятельств, требующих применение этих мер;
- только в отношении прямо перечисленных в законе лиц¹.

Исходя из вышеизложенного, под мерами уголовно-процессуального принуждения следует понимать применяемое при производстве 8 по уголовному делу превентивное воздействие, направленное на обеспечение надлежащего поведения перечисленных в законе участников уголовного судопроизводства при наличии обстоятельств, вызывающих необходимость применения этого воздействия².

Безлепкин Б.Т. мерами уголовно-процессуального принуждения называет предусмотренные УПК Российской Федерации решения и действия дознавателя, следователя, прокурора, суда (судьи),

¹ Гриненко, А.В. Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК Российской Федерации / А.В. Гриненко // Журнал российского права. 2016. № 9. С.49.

² Гуляев, А. Заключение под стражу на предварительном следствии / А. Гуляев, О. Зайцев // Законность. 2017. № 4. С. 14.

которые принимаются и совершаются в отношении подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и других участников уголовно-процессуальных отношений в целях обеспечения процесса доказывания по уголовному делу, гражданскому иску и осуществления функций уголовного преследования и справедливого разрешения уголовного дела³.

Ю.Д. Лившиц делит меры принуждения на: – меры пресечения; – меры по обнаружению и изъятию доказательств; – меры, обеспечивающие порядок в судебном заседании; – прочие⁴.

Следует отметить, что автором не указаны другие (кроме мер пресечения) превентивные меры, не сформулированы исчерпывающие меры процессуальной ответственности.

Петрухин И.Л. все меры принуждения делит на:

1) меры пресечения, которые образуют две группы: – фактически ограничивающие личную свободу граждан, включая свободу передвижения; – действующие только психологически, в том числе: имущественные, неимущественные;

2) иные меры пресечения⁵.

Смирнов А.В. предлагает классифицировать меры принуждения по нескольким критериям⁶:

1) по содержанию принуждения: меры физического принуждения; меры психического принуждения;

2) по процедуре применения: меры, применяемые в состязательном порядке (судом по ходатайству стороны); меры, применяемые в розыском порядке (организация расследования по своей инициативе);

3) по основанию применения: меры последующего характера (последующее принуждение применяется как санкция за процессуальное нарушение и как мера восстановительного характера); меры превентивного характера (это принуждение предупреждает возможное в будущем);

4) по целям меры принуждения делятся на следующие группы: обеспечивающие получение доказательств; обеспечивающие гражданский иск или возможную конфискацию денег и ценностей, нажитых преступным путём; обеспечивающие надлежащее поведение обвиняемого или подозреваемого.

Заключение под стражу. Суть данной меры пресечения заключается в помещении обвиняемого (подозреваемого) по решению суда на период производства по делу в место предварительного заключения.

Таким образом, анализируя все вышесказанное, приходим к выводу, что классификаций, на которые можно разделить меры пресечения довольно обширны. Спектр оснований достаточно широк.

Основополагающей целью заключения под стражу является беспрепятственное обеспечение следственных действия, установление истиной картины произошедшего.

Заключение под стражу в своей сущности есть предварительное лишение свободы до момента установления истины по делу, которое в последующем может измениться как в лучшую, так и в худшую сторону.

Следует отметить, что заключение под стражу является одной из спорных мер пресечения. Такая мера пресечения переплетается с базовым международным и конституционным принципом – правом гражданина на свободу и личную неприкосновенность. Ценность меры пресечения в виде заключения под стражу заключается в справедливом избрании последующего наказания для конкретного преступника и возможности оградить общество от девиантного поведения, переходящего рамки уголовного закона.

Цели заключения под стражу в научной литературе трактуются по-разному. Так, М.С. Строгович ведущей целью видит изобличение преступников и обеспечение раскрытия дела⁷.

Сроки заключения под стражу в качестве меры пресечения в основном корреспондируют со сроками предварительного расследования. Сроки задержания не должны быть сопоставимыми со сроками ареста – заключения под стражу. Это вызвано тем, что привлечение лица в качестве обвиняемого допустимо только после возбуждения уголовного дела. Возможность продления

³ Безлепкина, Б.Т. Комментарий к УПК Российской Федерации / Б.Т. Безлепкина. – Москва : КНОРУС, 2014. – С.35.

⁴ Лившиц, Ю. Залог в качестве меры пресечения / Ю. Лившиц, С. Зуев // Законность. 2017. № 5. С.12..

⁵ Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. – М. : Наука, 2019. – С.64.

⁶ Смирнов, А.В. Уголовный процесс : пособие для подготовки к экзамену / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. СПб. : Питер, 2014. С.39.

⁷ Строгович, М.С. Курс уголовного процесса. Москва: Наука, 2014. С. 41

задержания на неопределенный срок – а к такому выводу подталкивает, по нашему мнению, Определение Конституционного Суда РФ – нивелирует разницу между задержанием и заключением под стражу как мерой пресечения. С конституционно-правовой точки зрения, размывание границы между задержанием и заключением под стражу недопустимо, поскольку речь идет о двух разных мерах процессуального принуждения.

Мы считаем, что на законодательном уровне следует предусмотреть формальное ограничение предельных сроков содержания под стражей обвиняемых (подсудимых) на стадии судебного производства, установив предельный срок для соответствующей стадии процесса. Вероятно, необходимо также определить общий максимальный срок содержания под стражей обвиняемых (подсудимых) на стадии досудебного и судебного производства, который будет распространяться и на случаи возвращения уголовного дела прокурору.

Следовательно, такое ограничение предотвратит произвольное продление сроков содержания под стражей, а с другой позволит уменьшить волокиту при рассмотрении дела.

Поэтому считаем необходимым закрепить следующее положение в статье 109 УПК:

«Предельный совокупный срок досудебного и судебного разбирательства не может превышать 18 месяцев».

Данная норма позволит следователям и судам работать внимательнее, исключая волокиту и постоянную отправку на доработку.

В соответствии со ст. 97 УПК РФ дознаватель, следователь или суд вправе избрать одну из предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер пресечения.

Необходимо обратить внимание, что это является правом, а не обязанностью указанных лиц уголовного судопроизводства. Более того, решение об избрании меры пресечения может быть принято только при наличии достаточных оснований считать, что лицо может: скрыться от органов предварительного расследования или суда, продолжить осуществлять преступную деятельность либо угрожать свидетелю или иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В настоящее время УПК предусматривает восемь мер пресечения, наиболее строгая из которых - заключение под стражу. Поскольку эта мера процессуального принуждения в наибольшей степени ограничивает конституционные права и свободы человека и гражданина, законодатель предусмотрел некоторые условия ее применения⁸: лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет; избрание иной, более мягкой меры пресечения является невозможным; избирается только судом; в судебном заседании участвует прокурор.

Однако, как показал анализ правоприменительной практики, упомянутые гарантии далеко не всегда реализуются в реальной жизни и зачастую являются лишь формальностями.

Согласно статистическим данным в 2020 г. в судах первой инстанции рассмотрено 92 526 постановлений следователей и 6 539 постановлений дознавателей о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В это же время количество постановлений о возбуждении перед судом ходатайств об избрании домашнего ареста, который, несомненно, является более мягкой мерой, составило всего 7 162 и 332 соответственно⁹.

Таким образом, домашний арест применяется в 13 раз реже, чем заключение под стражу. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что положение ст. 108 УПК, предусматривающей применение заключения под стражу только в крайних случаях, при невозможности избрания менее строгой меры пресечения, реализуется не полностью. Как справедливо отмечают некоторые ученые, такая диспропорция вовсе не свидетельствует о низкой эффективности домашнего ареста либо залога, а лишь демонстрирует отсутствие у правоприменителя понимания оснований и целей их применения¹⁰.

Заключение под стражу самая строгая и распространённая мера пресечения и процедура применения такой меры носит усложнённый порядок, т.к. требует многогранного согласия перед отправлением ходатайства в суд. Нельзя не отметить, что уполномоченные органы заинтересованы в применении данной меры, ведь она позволяет обеспечить скорое и объективное рассмотрение по делу.

⁸ Зайцев, А.О. Реализация международно-правовых стандартов при применении меры пресечения в виде заключения под стражу в российском уголовном процессе / А.О. Зайцев // Российский следователь. 2016. № 3. С.27.

⁹ <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 21.10.2022)

¹⁰ Павлов В.Г. Квалификация преступлений против правосудия со специальным субъектом / В.Г. Павлов // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3. С. 87.

Такая мера исключает возможность правонарушителя путать следы следствию, уничтожать доказательства, скрываться или воздействовать на иных участников предварительного следствия.

Библиографический список:

1. Гриненко, А.В. Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК Российской Федерации / А.В. Гриненко // Журнал российского права. 2016. № 9. С.49.
2. Гуляев, А. Заключение под стражу на предварительном следствии / А. Гуляев, О. Зайцев // Законность. 2017. № 4. С. 14.
3. Безлепкин, Б.Т. Комментарий к УПК Российской Федерации / Б.Т. Безлепкин. – Москва : КНОРУС, 2014. – С.35.
4. Лившиц, Ю. Залог в качестве меры пресечения / Ю. Лившиц, С. Зуев // Законность. 2017. № 5. С.12..
5. Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. – М. : Наука, 2019. – С.64.
6. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : пособие для подготовки к экзамену / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. СПб. : Питер, 2014. С.39.
7. Строгович, М.С. Курс уголовного процесса. Москва: Наука, 2014. С. 41
8. Зайцев, А.О. Реализация международно-правовых стандартов при применении меры пресечения в виде заключения под стражу в российском уголовном процессе / А.О. Зайцев // Российский следователь. 2016. № 3. С.27.
9. <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 21.10.2022)
10. Павлов В.Г. Квалификация преступлений против правосудия со специальным субъектом / В.Г. Павлов // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3. С. 87.

Вдовцев Павел Викторович
Vdovtsev Pavel Viktorovich

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса
Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской
Федерации»

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

SOME ISSUES OF THE USE OF THE PRE-JUDICIAL AGREEMENT ON COOPERATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES

Аннотация: статья посвящена анализу такого уголовно-процессуального института, как досудебное соглашение о сотрудничестве; акцентированы отдельные спорные положения этого института; дана оценка некоторым высказанным в юридической литературе суждениям о разрешении выявленных практикой проблем применения названного института; предложены варианты совершенствования досудебного соглашения.

Abstract: the article is devoted to the analysis of such a criminal procedure institution as a pre-trial agreement on cooperation; certain controversial provisions of this institution are emphasized; some judgments expressed in the legal literature about the resolution of the problems identified by practice in the application of this institution are given; options for improving the pre-trial agreement are proposed.

Ключевые слова: сотрудничество, досудебное соглашение, следователь, прокурор, содействие, соучастие, подозреваемый, обвиняемый, раскрытие, расследование.

Keywords: cooperation, pre-trial agreement, investigator, prosecutor, assistance, complicity, suspect, accused, disclosure, investigation.

Положения института досудебного сотрудничества, которому посвящена глава 40.1 УПК РФ, далеки от идеала. Многие из них ввиду не всегда качественной формальной определенности получают неоднозначную трактовку. Названное положение, очевидно, не лучшим образом сказывается на работе правоприменителя.

Часть 2 ст. 317.1 уголовно-процессуального закона содержит положение об обязательности указания в ходатайстве уголовно преследуемого лица действий, которые оно намерено выполнить, дабы способствовать следствию в процессе расследования, выявлении и привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в соучастии с сотрудничающим лицом, поиске имущества, являющегося предметом преступления.

Это положение закона указывает на правомерность вопроса о том, можно ли в таком ходатайстве ограничиться констатацией, названием действий по сотрудничеству, простым их перечислением, - констатацией без конкретизации?

На первый взгляд, конкретизация данных обязательств вполне уместна: сложно представить иной способ установить значимость предлагаемой лицом информации. Однако на это можно возразить: признательные показания не гарантируют заключения соглашения о сотрудничестве. В заключении соглашения может быть отказано, при этом признательные показания, данные уголовно-преследуемым лицом, будут использованы. Оснований признать их недопустимым доказательством нет. Такое положение дел открывает возможность для злоупотреблений, - попыток получения правоприменителем признательных откровений лица, избличающего себя и других, под надуманным предлогом сотрудничества.

Таким образом, развернутая, подробная информация, обстоятельные показания относительно значимых для следствия обстоятельств преступной деятельности сотрудничающего лица и его соучастников может быть получена уже после того, как соглашение будет заключено, в ходе его реализации.

Законом также предписано указывать в соглашении о сотрудничестве субъективные и объективные обстоятельства совершения преступления, характеристики совершенного преступления,

которые должны быть установлены, как того требуют положения пп. 1-4 ч. 1 ст. 73 уголовно-процессуального закона. Кроме того, соглашение в обязательном порядке должно предусматривать указание конкретной статьи уголовного закона, содержащей регламент ответственности за это преступление.

В последующем может оказаться, что сотрудничающим лицом совершено более тяжкое преступление в сравнении с описанным в соглашении. Следует ли данное обстоятельство расценивать как повод для разработки, заключения нового соглашения, признания предыдущего (действующего) ничтожным? [1, 57]

Представляется, это не повод изменять формат сотрудничества, поскольку юридическая оценка содеянного не является одним из его условий, не подлежит обсуждению, торгу и выступает элементарной констатацией (описанием) ситуации расследования, сложившейся на момент рассмотрения вопроса о заключении сотрудничества.

Спор вызывает и вопрос сотрудничества с лицом, которое совершило преступление без посторонней помощи, обошлось без подельников, полагаясь всецело на собственные силы. Некоторые ученые допускают подобный шаг. На их взгляд, уголовно-процессуальный закон в ряде своих норм (например, п. 3 ч. 1 ст. 317.5) обращает внимание правоприменителей на то, что уголовные дела, преступления, выявление которых явилось результатом сотрудничества, - совершенно не обязательно должны быть совершены с участием сотрудничающего лица.

Однако данный подход, думается, не учитывает уголовно-правовые материальные нормы [2, 85; 5, 34]. Уголовный закон, говоря о позитивном постпреступном поведении лица, поведении, способном выступить смягчающим обстоятельством, имеет в виду отношение этого лица, его поведения, к совершенному им преступлению. Так, «целью» деятельности (поведения) лица, описанной в ст. 61 уголовного закона, является его преступление. Именно общественную опасность последнего лицо пытается сгладить, сделать так, чтобы степень ее пошла на убыль. Повинная, различные формы содействия деятельности правоохранителей и т.д. направлены на следствия совершенного им преступления. Осведомленность же сотрудничающего субъекта о преступлениях других лиц, желание ею поделиться не способны, видится, изменить общественную опасность того преступления, к которому он оказался причастен.

Необходимо учитывать также и то обстоятельство, что приведенный вариант толкования п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ выбивает это положение из ряда иных процедурных правил. Так, нельзя исключать возникновение проблем определения того, оказалось ли сотрудничество успешным, было ли исполнено. Если сотрудничество лица состояло в предоставлении сведений о преступной деятельности иных лиц, к которой оно само не имело отношения, то изобличающие этих лиц его показания будут возникать, предоставляться в рамках уголовного дела об их преступлениях. Однако как в таком случае использовать эти показания для оценки сотрудничества? Ведь процессуальный закон не предполагает (да и вряд ли в том имеется необходимость) процедуру включения, использования полученных в новом уголовном деле доказательств, явившихся следствием содействия лица, в состав того дела, в рамках которого состоялось сотрудничество.

Стоит также обратить внимание, что на подобную задачу будет вынужден искать ответ и суд. Он непременно столкнется с необходимостью оценить состоятельность деятельности по сотрудничеству. Следовательно, должен будет найти способ дать оценку (включить в ход судебного разбирательства) материалов уголовных дел о преступлениях иных лиц. Вот только в тексте процессуального закона ответ на заданную задачу найден быть не может, поскольку его там нет. Получается, суд, рассматривая эти материалы, будет нарушать требование закона о пределах судебного разбирательства.

Должен ли обвиняемый соглашаться с обвинением, дабы получить возможность заключить соглашение?

Глава 40.1 УПК РФ не содержит прямого указания на обусловленность заключения досудебного соглашения получением согласия обвиняемого с предъявленным обвинением. Несмотря на это, некоторые авторы полагают, что необходимость получения такого согласия законодателем подразумевается. По их мнению, до получения согласия с обвинением невозможно говорить о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, такое согласие – единственно возможный путь, позволяющий реализовать требования п. 4 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ об обязательном указании в досудебном соглашении описания преступления (с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ)

[3, 44].

Распространен названный подход и среди практических работников. Распространен названный подход и среди практических работников. Практике известны случаи отказа в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве ввиду несогласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением (полностью или в части), а также и случаи возвращения уголовных дел прокурорами в порядке ст. 221 УПК РФ для производства дополнительного расследования по основанию, охарактеризованному как нарушение обвиняемым условий заключенного соглашения, а именно, - отсутствие с его стороны полного согласия с предъявленным обвинением (при том что к этому моменту обвиняемым оказано реальное содействие следствию: сообщены сведения о совершении им и другими лицами преступлений, ранее следствию неизвестных).

Подобный подход представляется ошибочным. Необходимо различать условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и условия рассмотрения уголовного дела, в ходе которого имело место заключение такого соглашения, в особом порядке. Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением как раз и выступает условием рассмотрения уголовного дела в особом порядке. Если же обвиняемый с предъявленным обвинением не согласился, то данное обстоятельство должно служить основанием рассмотрения такого уголовного дела в общем порядке (с сохранением для обвиняемого возможности назначения наказания с учетом положений ч.ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ), а не признания заключенного соглашения о сотрудничестве невыполненным.

На подобное толкование, как представляется, ориентируют и ч. 4 ст. 317.4, ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ. Процессуальным документом, венчающим рассмотрение прокурором поступившего от следователя уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, выступает согласно ч. 4 ст. 317.4 УПК РФ представление о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, а согласно ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ – представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения. Некоторыми авторами отмечается случайный, «неосмотрительный» характер указанных наименований решений прокурора, ничем не отличающихся по сути. Думается, однако, что разнится и содержательная сторона данных решений: первое имеет место в случае несогласия обвиняемого с предъявленным обвинением, а второе – когда обвиняемый с ним согласился.

Как представляется, реализация в практической деятельности высказанных замечаний будет способствовать оптимизации применения института досудебного соглашения о сотрудничестве всеми участниками уголовного судопроизводства.

Библиографический список:

1. Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их решения. М., 2013.
2. Великий Д.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2.
3. Головизнин М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
4. Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011.
5. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались // Российский судья. 2013. № 2.

Абдуллин Рамильмагистрант, Государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург**Abdullin Ramil**

undergraduate, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg

E-mail: abdullinrr2623@gmail.com

УДК 34.096

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ**THE DEFINITIONS PROBLEM IN PUBLIC PROCUREMENT**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения легальных дефиниций при осуществлении гражданско-правового регулирования государственных и муниципальных закупок в России, делаются предложения по совершенствованию законодательства при осуществлении государственных закупок.

Annotation. The article considers the problems of determining legal definitions in the implementation of civil law regulation of state and municipal purchases in Russia, proposals are made to improve legislation in the implementation of public procurement.

Ключевые слова: контрактная система, дефиниции в контрактной системе, контрактные отношения, государственные и муниципальные нужды, публичная закупка.

Keywords: contract system, definitions in the public procurement, contractual relations, state and municipal needs, public procurement.

Российская система контрактных отношений имеет внушительный и многообразный терминологический аппарат, часть терминов которого до настоящего времени не определена законодателем, ни имеется единой точки зрения среди относительно определения отдельных терминов среди научного сообщества¹. Так, например, термин «Закупки» и термин «Публичные торги», которые напрямую связаны с контрактной системой не имеют четких определений, а из представленных законодателем и учеными цивилистами, не всегда удается выделить отличительные признаки между ними². С теми же проблемами автор настоящей научной работы сталкивается при упоминании иных дефиниций используемых в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от «05» апреля 2013 года № 44-ФЗ (далее – 44-ФЗ)³, Федеральном законе «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 N 223-ФЗ (далее – 223-ФЗ)⁴ и других, связанных с гражданско-правовым регулированием государственных и муниципальных закупок нормативно-правовых актов, судебных актов, международных и региональных правовых документов. Законодатель не дает исчерпывающий перечень определений, что в свою очередь говорит о наличии широкого разнообразия при научном исследовании данных дефиниций, отсутствии единства в определении различных понятий выбранной автором темы. Данный вывод свидетельствует о том, что государственные и муниципальные закупки, механизм их регулирования следует признать комплексным, правовым институтом, которому необходима четкая система терминологического аппарата со своей правовой природой и источниками права⁵.

¹ См.: Барсегова И. В. История развития тендерных торгов и тендер как источник привлечения финансовых ресурсов. Российская практика // Российское предпринимательство. 2011. Т. 12, № 5. С. 24

² См.: Пахомова Л.М. Проблемы дефиниций правового регулирования системы публичных закупок // ARS ADMINISTRANDI. 2019. №2. С. 184.

³ Федеральный закон от 21.07.2005 N 94-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (Ч. 1). Ст. 3105.

⁴ Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

⁵ См.: Пахомова Л.М. Проблемы дефиниций правового регулирования системы публичных закупок // ARS ADMINISTRANDI. 2019. №2. С. 185.

Терминологический аппарат контрактных отношений представляет собой широкое многообразие дефиниций и не является исчерпывающим. Термины «Закупки», «Торги», «Тендеры», «Государственный заказ», «Государственные закупки», «Публичные закупки» широко и интенсивно используются уже довольно значительный период времени. В свою очередь очевидно и само изучение терминов, которые, как напрямую, так и косвенно связаны с государственными и муниципальными закупками, контрактной системой.

Исследования, проведенные учеными для разрешения казусных вопросов, возникающих в связи с отсутствием достаточного терминологического аппарата, а точнее легальных определений в 44-ФЗ затрагивают как сам терминологический аппарат контрактной системы, так и историю развития контрактной системы и отдельных дефиниций, их правовую природу⁶.

Дефиницию публичных закупок, как и торгов по мнению автора следует рассматривать в качестве основополагающей категории системы государственных закупок. Однако, данную категорию нередко путают с таким понятием как «Торги» или «Публичные торги». В связи с тем, что отсутствуют критерии, на основании которых представляется возможность говорить о смежности или различиях данных определений, существует различная и часто абсолютно противоположная практика правоприменения и государственного регулирования. Как сама дефиниция публичных закупок, так и критерии, на основании которых следует относить закупки к публичным не были предметом дискуссии и исследования в Российском ученном цивилистическом сообществе, возможно, в связи с кажущейся простотой и очевидностью указанной дефиниции⁷. По мнению таких исследователей как Черных С.И., Смотрицкая С.С. следует выделять термин «Общественные закупки» и объединять под указанным термином термин «Публичные закупки», термин «Регулируемые закупки предприятий государственного сектора экономики», термин «Оборонные закупки»⁸. Ранее, Бордунова С.А. в своем диссертационном исследовании давала определение государственным закупкам как процессу, направленному на приобретение товаров и услуг для государственных нужд, основным источником финансирования которого являются средства налогоплательщиков⁹.

Критерии и цели указанных терминов также рассматриваются исследователями как предмет для дискуссии и решение вопроса принадлежности дефиниций к частным или публичным правоотношениям. Дефиниция публичных закупок в учебном пособии по предпринимательскому праву Российской Федерации рассматривается в качестве закупок проводимых публично в сети Интернет, посредством специализированных электронных площадок среди неопределенного круга лиц. Автор учебного пособия относит публичные закупки к государственным, муниципальным, корпоративным и иным закупкам¹⁰.

Законодателем также не дано определение дефиниции государственной и муниципальной нужды, несмотря на ее широкое использование в нормативно-правовых актах. Необходимость изучения данного термина обусловлена тем, что мы понять в чем заключаются потребности государства и сумет отличить их от потребностей иных субъектов системы контрактных отношений.

В результатах теоретического исследования автор приходит к тому, что законодатель не дает четкого определения термину – «торги». Более того, самим законодателем данный термин понимается в случае, если речь заходит о гражданском праве – в качестве процедуры, а конкурентное право пытается дать дефиницию торгам исходя из самого принципа конкурентности¹¹. Очевидным представляется дать определение «Термину торги», которое наиболее точно будет отражать его сущность и закрепить указанное определение либо в антимонопольной, либо в гражданской нормативно-правовой базе¹².

⁶ См.: Попова О.В. и др. Правовое регулирование в сфере закупок // Право и государство: теория и практика. 2020. №9 (189). С. 30.

⁷ См.: Кузьмина Т.В. Государственные закупки // Вестник науки и образования. 2017. № 10 (34). С. 185.

⁸ См.: Смотрицкая С. С., Черных С. И. Общественные закупки как стратегический инструмент научно-технического развития российской экономики // Инновации. 2017. № 4 (222). С. 34.

⁹ См.: Бордунова С. А. Правовое регулирование государственных и муниципальных заказов по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2011. С. 117.

¹⁰ Афанасьева Е. Г., Белицкий А. В., Вайпан В. А. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2017. 992 с.

¹¹ См.: Косарев К.В. О некоторых теоретических проблемах совершенствования законодательства в сфере правового регулирования государственных закупок // Теория и практика социо-гуманитарных наук. 2022. №2 (18). С. 99.

¹² См.: Глеба О.В., Асеева М.А., Ратушняк Г.Я. Проблемы функционирования Федеральной контрактной системы в России и возможные пути их решения // Аграрное и земельное право. 2020. №11 (191). С. 248.

Автор рекомендует следующее определение публичных закупок и предлагает добавить указанное определение в п.1 ст. 3 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от «05» апреля 2013 года №44-ФЗ: «Публичная закупка – это конкурентная или неконкурентная (в случаях, предусмотренных настоящим законом) проводимая государственными и муниципальными заказчиками процедура закупок для государственных и муниципальных нужд в интересах общества и государства».

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 21.07.2005 N 94-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (Ч. 1). Ст. 3105.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.
3. Барсегова И. В. История развития тендерных торгов и тендер как источник привлечения финансовых ресурсов. Российская практика // Российское предпринимательство. 2011. Т. 12, № 5. С. 23-28.
4. Бордунова С. А. Правовое регулирование государственных и муниципальных заказов по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2011. 223 с.
5. Глеба О.В., Асеева М.А., Ратушняк Г.Я. Проблемы функционирования Федеральной контрактной системы в России и возможные пути их решения // Аграрное и земельное право. 2020. №11 (191). С. 245-249.
6. Косарев К.В. О некоторых теоретических проблемах совершенствования законодательства в сфере правового регулирования государственных закупок // Теория и практика социо-гуманитарных наук. 2022. №2 (18). С. 96-104.
7. Кузьмина Т.В. Государственные закупки // Вестник науки и образования. 2017. № 10 (34). С. 183-187.
8. Пахомова Л.М. Проблемы дефиниций правового регулирования системы публичных закупок // ARS ADMINISTRANDI. 2019. №2. С. 184-199.
9. Попова О.В. и др. Правовое регулирование в сфере закупок // Право и государство: теория и практика. 2020. №9 (189). С. 29-32.
10. Смотрицкая С. С., Черных С. И. Общественные закупки как стратегический инструмент научно-технического развития российской экономики // Инновации. 2017. № 4 (222). С. 30-36.

Ильичев Александр Дмитриевич
Pyichev Alexander Dmitrievich

магистрант 2 курса

Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

УДК 343.1

ПОНЯТИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

THE CONCEPT OF PRECAUTION IN MODERN LEGISLATION

Аннотация. В настоящей статье автор проводит глубокий синтаксический и правовой анализ понятия меры пресечения. Автор дает авторское определение понятия меры пресечения, основанное на анализе существующих тождественных понятий в уголовно-процессуальной науке, на основе которых выделяет авторское определение данному понятию.

Abstract. In this article, the author conducts a deep syntactic and legal analysis of the concept of a preventive measure. The author gives the author's definition of the concept of a preventive measure, based on the analysis of existing identical concepts in criminal procedure science, on the basis of which the author's definition of this concept is distinguished.

Ключевые слова: Уголовный процесс, мера пресечения, понятие, арест, домашний арест, залог.

Keywords: Criminal process, preventive measure, concept, arrest, house arrest, bail.

Само по себе понятие «мера пресечения» в уголовном законодательстве отсутствует. Законодатель лишь выделяет основания для применения мер пресечения, такие как возможность оказания давления на орган, осуществляющий предварительное расследование и судебное следствие, а также на других участников уголовного процесса, возможность скрыться от органа, осуществляющего предварительное расследование и судебное следствие, а также иным образом воспрепятствовать правосудию.

Исходя из анализа ст. 97 Уголовного кодекса РФ, можно вывести определение, согласно которому мера пресечения – это мера, применяемая дознавателем, следователем и судом в пределах предоставленных им полномочий в отношении подозреваемого или обвиняемого, при достаточных основаниях полагать, что обвиняемый или подозреваемый может воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Такое определение нам представляется неполным, так как не раскрыта сама суть меры пресечения как понятия, а лишь названы лица, уполномоченные ее избирать, лица, в отношении которых она избирается, а также условия избрания.

В этой связи мы склонны не разделять позицию В.Т. Батычко, которая полагает, что «меры пресечения – это меры уголовно - процессуального принуждения, применяемые дознавателем, следователем, а также судом в пределах предоставленных им полномочий.»¹

В то же время, мы не разделяем позицию А.П. Кругликова, полагающего, что «меры пресечения – это предусмотренные уголовно-процессуальными нормами, которые применяются компетентными государственными органами при наличии соответствующих оснований и в определенном порядке, ограничения личной свободы субъектов (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного) с целью обеспечения их надлежащего поведения»². В данном определении термин «надлежащее поведение», на наш взгляд, не раскрыт, в связи с чем не четко названа сама цель мер пресечения.

В статье 97 Уголовного кодекса РФ перечислены основания мер пресечения, в которые входит фраза «иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу». Действительно, все другие основания по своей правовой сути являются мерами воспрепятствования подозреваемого или обвиняемого производству по уголовному делу.

Ю.В. Францифоров и Н.С. Манова понимают под мерами пресечения «регламентированные российским уголовным процессуальным законом средства процессуального воздействия на подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, суть которых заключается в ограничении,

¹ В.Т. Батычко Уголовный процесс. Конспект лекций / Таганрог: ИУЭС ЮФУ, 2016

² Кругликов А.П. Уголовный процесс. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 688 с

содержащихся в Основном законе нашего государства, прав и свобод этих лиц, если есть веские основания полагать, что преступник скроется от дознания, следствия и суда или снова начнет совершать в будущем преступления, или попытается противостоять правильному и своевременному рассмотрению и разрешению уголовного дела»³.

Значение слова «Пресечение» в толковом словаре Даля определяется как прекращать, уничтожать, останавливать. В этом смысле буквальное понимание понятия «мера пресечения» — это мера, которая прекращает что-либо уже существующее. С другой стороны, мера пресечения может избираться следователем, дознавателем, судом при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый лишь может воспрепятствовать производству по уголовному делу. Таким образом, мы полагаем, что мнение Ю.В. Францифорова и Н.С. Мановой относительно определения мер пресечения является несколько неполным, так как, например, обвиняемый, при отсутствии у него меры пресечения, теоретически может совершить действие, направленное на воспрепятствование уголовному судопроизводству, что побудит следователя, дознавателя или суд избрать ему меру пресечения в целях пресечения уже совершаемых действий.

Таким образом, выделяется дополнительный признак понятия меры пресечения - применение их как для пресечения уже существующего воспрепятствования производству по уголовному делу, так и для пресечения возможности реализации действий, направленных на воспрепятствование производству по уголовному делу.

Барабаш А.С. полагает, что меры пресечения есть ни что иное как «предусмотренные законом средства воздействия на обвиняемого (подозреваемого), состоящие в определённых лишениях или ограничениях прав и свобод данных лиц, применяемые в целях установления истины по делу, воспрепятствования продолжения преступной деятельности и уклонению от отбывания наказания»⁴

Данное определение представляется нам одновременно верным и спорным. Безусловно, мера пресечения есть средство воздействия на подозреваемого/обвиняемого, однако цель на наш взгляд, круг целей является неполным. Оказание давления, например, на свидетелей или потерпевшего подразумевает в том числе возможность нанесения им вреда. В данном случае одной из целей мер пресечения является и защита лиц, вовлеченных в уголовное производство, от негативного воздействия подозреваемого/обвиняемого на них.

Определяя, что же такое мера пресечения, стоит произвести сравнительный анализ понятия мер пресечения и мер уголовно-процессуального принуждения.

Мера пресечения, как следует из ст. 97 УПК РФ, может применяться только к подозреваемому или обвиняемому. В то же время, меры процессуального принуждения могут применяться и к другим участникам уголовного процесса. Например, свидетели, потерпевшие, а также иные лица, явка которых в судебное заседание признана судом обязательной, в случае неявки без уважительных причин, могут быть подвергнуты принудительному приводу. Лицо, нарушающее регламент судебного заседания, может быть подвергнуто штрафу, а также удалению из зала заседания. К мерам уголовно-процессуального принуждения также относится, за исключением подозреваемого, обвиняемого, и обязанность давать показания, обязанность давать правдивые показания. Даже обязанность давать показания и обращаться к суду стоя является мерой уголовно-процессуального принуждения.

Таким образом мы приходим к тому, что мера пресечения по своей сути является разновидностью мер государственного принуждения, применяемая в отношении подозреваемого и обвиняемого. В этом плане наши взгляды совпадают с подавляющим большинством ученых, исследовавших данное направление.

В тот же самый момент большинство ученых, трактуя авторские определения понятию мера пресечения, забывает о том, что мера пресечения может быть не только избрана, но и продлена и отменена. Мера пресечения является прежде всего временной мерой.

Ошибочным является предположение о том, что мера пресечения в виде заключения под стражу является началом течения наказания в виде лишения свободы. Срок содержания под стражей в рамках производства по уголовному делу лишь засчитывается в срок или размер наказания, назначенного судом.

Таким образом, обобщая вышесказанное нами выведено авторское определение понятия «мера

³ Уголовный процесс: учебник и практикум для СПО / Ю.В. Францифоров, Н.С. Манова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – С. 245.

⁴ Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №12. – С. 184-190.

пресечения» в следующей редакции:

«Мера пресечения – это разновидность мер уголовно-процессуального принуждения, избираемые дознавателем, следователем либо судом в пределах предоставленных им полномочий в отношении подозреваемого или обвиняемого, выражающиеся во временном принудительном лишении лица определенного круга прав и свобод, предусмотренных Конституцией, в случае если имеются основания полагать, что лицо препятствует или может воспрепятствовать производству по уголовному делу».

Библиографический список:

1. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №12. – С. 184-190.
2. Батычко В.Т. Уголовный процесс. Конспект лекций / Таганрог: ИУЭС ЮФУ, 2016
3. Францифоров Ю.В.Кругликов А.П. Уголовный процесс. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 688 с
4. Уголовный процесс: учебник и практикум для СПО / Ю.В. Францифоров, Н.С. Манова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – С. 245.

Леманова Диана Михайловна
Lemanova Diana Mikhailovna

Студентка колледжа Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 2 курс

УДК 343.4

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ И ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

CRIMINAL LEGAL ASPECT OF ARTIFICIAL TERMINATION OF PREGNANCY AND WAYS OF IMPLEMENTATION OF RUSSIA'S DEMOGRAPHIC POLICY

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о несоответствии законодательства, допускающего применение абортов. В работе характеризуется юридическая сторона проблемы искусственного прерывания беременности. Проблема рассматривается на стыке интересов индивидуума (женщины), которая может распоряжаться своим телом и планировать семью и государства и общества (охрана здоровья и репродуктивного потенциала нации), а также, с правами зачатого ребенка.

Annotation: The article deals with the issue of inconsistency of the legislation allowing the use of abortions. The work characterizes the legal side of the problem of artificial termination of pregnancy. The problem is considered at the intersection of the interests of an individual (a woman), who can manage her body and plan a family and states and societies (health and reproductive potential of the nation), as well as the rights of a conceived child.

Ключевые слова: аборт, уголовное право, демографическая политика, ответственность за совершение искусственного прерывания беременности, нормы права.

Key words: abortion, criminal law, demographic policy, liability for artificial termination of pregnancy, legal norms.

Процессы воспроизводства населения являются основной демографической политики государства. Источниками проблемы народонаселения России являются:

- потеря населения, начиная с октября 1917г;
- гражданская война;
- последовавшие после нее политические репрессии;
- безвозвратные потери 1941-1945 годов (как в армии, так и среди гражданского населения).

Отметим, что в июле 1944г., Правительство страны приняло специальную программу, которая содействовала воспроизводству населения:

- поощрение многодетных семей;
- поддержка семей с оптимальным числом детей;
- учреждение почетного звания и одноименного ордена «Мать-героиня» (уход на пенсию в более раннем возрасте (50 лет), сокращение срока трудового стажа).

Решая проблему народонаселения в России был:

- определен «налоговый кнут» (для тех, кто не торопился обзавестись многочисленным семейством);
- холостые мужчины и бездетные семейные пары в возрасте от 20 до 50 лет (мужчины) и от 20 до 45 лет (женщины) должны были платить дополнительный налог на бездетность в размере 6%;
- запрещение абортов в связи «с установленной вредностью». (Постановление ЦИК СНК СССР от 1936 года.)

Заметим, что в период отмеченной нами выше специальной программы, только в 1946-1949 годах население СССР увеличилось на 11,5 млн. человек. К сожалению, Постановление ЦИК СНК СССР от 1936 г. просуществовала только до середины пятидесятых годов XX века. И вскоре после смерти И.В. Сталина, происходит отмена уголовной ответственности за производство аборта.¹ Это постановление означает, что наступил период безответственного отношения в жизни Российского

¹ Указ президиума ВС СССР от 0 5.08.1954 «Об отмене уголовной ответственности беременных женщин за производство аборта// Ведомость Верховного Совета СССР от 17.08.1954, №15(804), ст.334

общества к институту «Семьи и брака» и аргументы по декриминализации (для женщин) производства аборта, заключающиеся в неких «мероприятиях по поощрению материнства и охране детства...»², являлись, на мой взгляд, лишь прикрытием, обоснования заведомо враждебных для страны постановлений. В период, когда страна, имея необъятные границы государства, должна заботиться о народонаселении, издаётся враждебный указ.

Отметим, что проблема искусственного прерывания беременности – одна из наиболее древних проблем вообще, проблемы России в частности, исследуемых в рамках медицины, философии, теологии и юриспруденции.

В современных условиях, несмотря на наличие позитивных тенденций в сфере искусственного прерывания беременности (происходит сокращение их числа), ситуация все же вызывает беспокойство. Так, согласно официальным данным Росстата, в период с 2009 по 2014 г. в России было зарегистрировано 6 609 381 аборт; с 2015 по 2020 г. – около 3 805 000 аборт.

По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, число лиц осужденных по ст. 123 УК РФ, в указанный период составило 28 человек.

Данные Судебного департамента при Верховном суде РФ не свидетельствуют о благоприятной ситуации в рассматриваемой сфере, и позволяют предположить скрытый характер преступлений в области незаконного прерывания беременности.

Очевидно, что, проблема, затрагивающая уголовно-правовую охрану репродуктивной сферы жизнедеятельности человека в Российской Федерации, малоизучена и представляет интерес с точки зрения отечественного уголовного права.

Так, в период с 2010 по 2014 г. в Государственной Думе РФ активно обсуждался законопроект, направленный на усиление уголовной ответственности за незаконное проведение аборт и установление административной ответственности за искусственное прерывание беременности. Однако означенные инициативы не нашли поддержки в официальных отзывах ни Правительства РФ, ни Верховного суда РФ, получив критические замечания в соответствующих Комитетах ГД ФС РФ и были отклонены.

Ввиду специфического состава, предусмотренного статьей 123 УК РФ и неоднозначности его понимания учёными–правоведами, особый интерес представляют отдельные элементы незаконного проведения искусственного прерывания беременности. Остановимся на анализе состава преступления, ограниченного рамками статьи 123 УК РФ. Для выявления критериев незаконности проведения искусственного прерывания беременности (ИПБ) следует исходить из анализа правовых актов, которые регламентируют правомерность ИПБ (законность) подобных операций. К ним относятся:

- Федеральный закон от 21 ноября 2011г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³;

- постановление правительства РФ от 6 февраля 2012г. «О социальном показании для искусственного прерывания беременности»⁴;

- Приказ Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 №736 (ред. от 27.12.2011) «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности»⁵ и другие правовые акты.

Проанализировав обозначенную правовую базу, выделим условия правомерности искусственного прерывания беременности:

- ограниченные сроки аборта при сроке беременности до 12 недель;

- проведение искусственного прерывания беременности по медицинским показаниям (туберкулёз, злокачественная опухоль, заболевания нервной системы и других болезней, влекущих к ухудшению здоровья);

² Указ Президиума ВС СССР от 23.11.1955 «Об отмене запрета аборт» // Вестник Верховного Совета СССР, 1955, №22. ст.425.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Российская газета. – 2011. - 23 ноября; 2015. - 31 декабря.

⁴ О социальном показании для искусственного прерывания беременности : Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 // Российская газета. – 2012. - 15 февраля.

⁵ Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности : Приказ Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 № 736 (ред. от 27.12.2011) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - 2003. - № 9. - 3 марта.

- наличие у лица, осуществляющего прерывание беременности высшего медицинского образования - профессия (врач-акушер-гинеколог);

- наличие добровольного согласия женщины на проведение операции по искусственному прерыванию беременности;

Казалось бы с нормативно-правовой базой всё в порядке. В порядке и с поощрениями государственными органами семей, имеющих два – три и более детей. А проблемы, связанные с искусственным прерыванием беременности в нашем обществе существуют и их немало. В чем же проблема?

Отметим, что принятие законодательного акта запрещения аборта; принятие на законодательном уровне акта прерывания беременности влекут за собой неминуемо признание не родившегося ребенка полноценной личностью. Поэтому и подход к разрешению проблемы лежит во многом и на духовно-нравственной составляющей субъектов, участвующих в разрешении проблемы.

На мой взгляд, к указу об отмене уголовной ответственности следовало бы сделать примечание, которое разъясняло бы смысл деяний человека, идущего на прерывание беременности; деяний человека, производящего прерывание беременности (врача или иного лица); существования права на жизнь не родившегося человека.

Поскольку наряду с «легальными» абортами стоит и проблема «криминальных» прерываний беременности, то борьба с ними недостаточна. Ответственность за данное деяние несоизмеримо мало по сравнению с наказанием, назначаемым за умышленное убийство не родившегося человека группой лиц по предварительному сговору⁶.

Очевидно, что правовой аспект решения проблемы искусственного прерывания беременности далеко не простая задача, в разрешении которой должны участвовать различные институты становления личности. Так, с точки зрения права необходимо соблюдать нормативные акты, которые регулируют прерывание беременности, что отражено в Федеральном законе от 21.11.2011 №323 – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан РФ». Анализируя статью, отмечаем, что в ней разъясняется: «гражданином не родившейся плод не является», и как следствие прерывание беременности – не является нарушением нормативно-правовых актов и потому *преступлением не является*, а значит и ответственности никто нести не должен. Тем не менее, в соответствии со ст. 2 Конституции РФ – *жизнь является высшей ценностью*. И тогда в одном случае, женщина, не прерывающая беременность дает право на жизнь, не родившемуся ребенку, а другая – прерывающая беременность не дает такой возможности. Приходим к несоответствию, установленному законом Конституции «*все равны перед законом и судом*», устанавливая равенство граждан в их праве на жизнь. Таким образом, мы констатируем, что нормы закона оправдывают и допускают прерывание беременности, противореча тем самым и Конституции, и логике правовой системы государства, и нормам духовно-нравственных критериев христианства.

Очевидно, что следует привести в полное соответствие нормы права и законов Конституции, принимая во внимание и такие факторы жизни членов общества как нравственно-этические качества личности, принимающей то, или иное решение.

В.В. Масленников в статье «Соотношение конституционных прав личности искусственному прерыванию беременности (аборту) в России и обеспечение безопасности государства в контексте демографического кризиса»⁷ рассматривает несколько аргументов сложившегося положения состояния проблемы.

Первый из них состоит в исключении формального регулирования проблемы, поскольку проблема состоит в ответе на вопрос: Быть или не быть? Родиться новому человеку или нет? А если ему не родиться? Следовательно, общество с его существованием может понести некие нераскрывшиеся возможности и т.д. Да и вообще, формализм в отношении жизни со стороны права – антигуманен! Право на жизнь – самое главное определяющее право, из которого вытекает остальное.

Второй состоит в определении, является ли эмбрион живым существом и имеет ли он право на жизнь?

⁶ Масленников В.В. Соотношение конституционных прав личности искусственному прерыванию беременности (аборту) в России и обеспечение безопасности государства в контексте демографического кризиса. 17(245)-2014. Проблемы. Поиск. Решения.

⁷ Масленников В.В. Соотношение конституционных прав личности искусственному прерыванию беременности (аборту) в России и обеспечение безопасности государства в контексте демографического кризиса. 17(245)-2014. Проблемы. Поиск. Решения.

И хотя, по мнению С.В. Медведева, «человеческий мозг остается самым загадочным объектом»⁸. Аналогичного мнения придерживалась и Н.П. Бехтерева, считавшая мозг «самым загадочным объектом во Вселенной»⁹. Очевидно, что говорить о делении человека на «плод» и «человек» в контексте временного развития, не представляется возможным. И как следствие, преждевременное изгнание – извлечение продукта зачатия из организма матери, вне зависимости от срока беременности, на мой взгляд, не только неправомерно, но и преступно. Науке известно, что плод (ребенок) – продолжение человеческого рода, на каком-то этапе еще не может быть человеком, но он чувствует, понимает все, что происходит с ним и вокруг него. При этом, плод после его изгнания из организма матери дышит, проявляя такие признаки жизни как сердцебиение, произвольное движение мускулатурой, пульсация пуповины. Не с этого ли момента наступает его право на жизнь? И когда происходит искусственное прерывание беременности (и не важно, на каком сроке это происходит), – продолжение ребенка гибнет – гибнет и его маленькая Вселенная. Происходит преступление, оставить которое без последствий нельзя, поскольку препятствовать естественному рождению эмбриона – преступное деяние, лишаящее его права на жизнь.

В то же время, статья 56 ФЗ №323, допускает прерывание беременности на определенном уровне развития. Искусственное прерывание беременности проводится: 1) не ранее 48 часов с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности: а) при сроке беременности четвертая - седьмая недели; б) при сроке беременности одиннадцатая - двенадцатая недели, но не позднее окончания двенадцатой недели беременности; 2) не ранее семи дней с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности при сроке беременности восьмая - десятая недели беременности.¹⁰), не давая эмбриону свободно развиваться, что, как известно, гарантировано Конституцией (ч.1 ст.7).

Очевидно, в этой ситуации проблема стоит в несоответствии, допускающем применение аборт. С одной стороны каждый имеет право на жизнь, с другой – допускается прерывание беременности – фактическое убийство. Это несоответствие законодательства поясняется Преамбулой, являющейся неотъемлемой частью Конституции.

В Преамбуле Конституции РФ определяются ценности, которые занимают ведущее положение в иерархии общественных ценностей, и цели, которые преследует Конституция РФ. «Преамбула является составной частью Конституции РФ и имеет для законодательной и исполнительной власти не только моральную, но и юридическую силу, а судами должна восприниматься в качестве инструмента, с помощью которого выверяется адекватность истолкования конституционных норм, содержащихся в разделах, главах и статьях Конституции»¹¹. А кто определяет, что тот или иной судья, суд адекватно подходит к вынесенному ими приговору?

На наш взгляд, принцип – равенство перед законом, установленный Конституцией РФ, нарушается поскольку - дети женщины, которая решает стать матерью – имеют право на жизнь, а дети женщины, которая не желает становиться матерью и идет на искусственное прерывание беременности – не имеют права на жизнь. Фактически такое деяние является нарушением и принципа равенства перед законом и основных прав и свобод, в частности права на жизнь, гарантированного ч.1 ст.20 Конституции РФ.

Заметим, что указанные положения нарушаются нормами ФЗ №323 на том основании, что критерием в оценке грани, которая отделяет «более совершенную жизнь» от «менее совершенной» служит установленное законом время, до 12 недель. Получается, что зародившаяся жизнь до 12 недель не признается жизнью и, как следствие человеком и личностью не является. Следовательно, критерием оценки, кому жить, а кому умереть, выступает время. И это, значимое для жизни время, определено законом. И на законном основании можно лишать жизни, убить будущую личность. Я не согласна и не принимаю такого закона. Ведь для жизни время – это только определенный промежуток, период между этапами развития личности на генетическом уровне.

⁸ Медведев С.В. Что знает наука о мозге // Наука и жизнь. 1998. № 8.

⁹ Бехтерева Н.П. Мозг – самый загадочный объект во Вселенной// Российская газета от 19.12.2002, №238.

¹⁰ Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации".

¹¹ Масленников В.В. Соотношение конституционных прав личности искусственному прерыванию беременности (аборту) в России и обеспечение безопасности государства в контексте демографического кризиса. 17(245)-2014. Проблемы. Поиск. Решения.

Вышеизложенное, по нашему мнению, показывает «техническое» отношение ст. 56 ФЗ № 323 к жизни человека и этапам его становления и развития. Возникает противоречие между ч. 1 ст. 21 Конституции, устанавливающей, что «достоинство личности охраняется государством» и утверждением, что «ничто не может быть основанием для его умаления». Кроме того, ч. 2 ст. 21 Конституции, устанавливает, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию», что на наш взгляд, входит в противоречие с медицинской практикой производства искусственного прерывания беременности. По своей сути такая операция –извлечение неродившегося ребенка, имеющего все признаки человеческого организма — руки, ноги, голову, принижает до уровня биологического материала.

Анализируя статьи, касающиеся рассматриваемой проблемы, отметим также, что статья 2 Конституции устанавливает: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» и «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В связи с этим можно отметить, что положения ФЗ № 323 так же нарушают и указанную статью Конституции в части непризнания права ребенка на жизнь. Кроме того, косвенно нарушаются и нормы ч. 1 ст. 7 Конституции, в соответствии с которыми провозглашается, что «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» в части, умаляющей его право на свободное развитие, что подразумевает под собой главную ценность — жизнь.

Далее, в части 1 ст. 38 Конституции содержится положение о том, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства», которое фактически находится в противоречии со ст. 56 ФЗ № 323 в той части, в которой Конституция защищает институт семьи. Ведь норма ст. 56 данного закона фактически существенно ослабляет семью, лишая ее одной из основ существования — рождения и воспитания нового человека, поколения в целом.

Часть 1 ст. 19 Конституции, устанавливает, что «все равны перед законом и судом». По нашему мнению она находится в явном противоречии со ст. 56 ФЗ № 323, которая предоставляет право принятия решения о своем материнстве женщине вне зависимости от воли ребенка, заведомо находящегося в беспомощном состоянии, а также его отца.

В заключении изложенного хотим предложить меры, направленные на защиту детей и укрепление демографической политики.

Привести в полное соответствие законы, нормы, статьи, связанные с прерыванием беременности, а именно: признать человека полноценным человеком и гражданином своего государства, со всеми правами, с момента зачатия.

Ужесточить уголовную ответственность лиц, производящих прерывание беременности (в том числе и самих женщин, производящих самоаборт) и применять к ним наказание по статье 105 УК РФ – Убийство.

Исключить права женщин на прерывание беременности, за исключением случаев, заключающихся в медицинских показаниях, таких как: врожденная патология ребенка не совместимая с дальнейшей жизнью и в случае изнасилования.

Кроме нормативно-правовых актов, следует уделить особое внимание разъяснительной работе. Поскольку в стране уже сложилась «культура прерывания беременности», следует на всех направлениях вести трансформацию модели поведения. Предлагаем делать это посредством различных правовых, медицинских, социальных, образовательных институтов. Организовывать работу в области духовно-нравственного воспитания молодежи, особенно молодых девушек и парней в возрасте 13-18 лет.

На Федеральном и региональном уровнях необходимо значительно повысить социальный статус института «Семьи и брака», путем реализации программ по стимулированию рождаемости и укреплению семьи. Необходимо укреплять и адресно усиливать работу в следующих направлениях: формирование системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и более; создание социально-экономических условий, благоприятных для рождения, содержания и воспитания нескольких детей; обеспечение условий, благоприятствующих сочетанию трудовой деятельности женщин с выполнением семейных обязанностей по воспитанию детей; повышение воспитательного потенциала семьи; разработка и реализация стратегии развития доступных форм семейного обустройства детей-сирот, в том числе детей-инвалидов.

Библиографический список:

1. Бехтерева Н.П. Мозг – самый загадочный объект во Вселенной// Российская газета от 19.12.2002, №238.
2. Медведев С.В. Что знает наука о мозге // Наука и жизнь. 1998. № 8.
3. Масленников В.В. Соотношение конституционных прав личности искусственному прерыванию беременности (аборту) в России и обеспечение безопасности государства в контексте демографического кризиса. 17(245)-2014. Проблемы. Поиск. Решения.
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Российская газета. – 2011. - 23 ноября; 2015. - 31 декабря.
5. Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности : Приказ Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 № 736 (ред. от 27.12.2011) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - 2003. - № 9. - 3 марта.
6. О социальном показании для искусственного прерывания беременности : Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 // Российская газета. – 2012. - 15 февраля.
7. Указ президиума ВС СССР от 05.08.1954 «Об отмене уголовной ответственности беременных женщин за производство аборта// Ведомость Верховного Совета СССР от 17.08.1954, №15(804), ст.334
8. Указ Президиума ВС СССР от 23.11.1955 «Об отмене запрета аборт» //Ведомость Верховного Совета СССР, 1955, №22. ст.425.
9. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" .

Босякова Анастасия Алексеевна
Bosyakova Anastasia Alekseevna

Студентка Оренбургского государственного университета, юридический факультет

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

FEATURES OF THE INTERPRETER'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация: в работе рассмотрены особенности участия переводчика в судопроизводстве зарубежных стран. Проанализирована статистика участия переводчика в окружных судах.

Abstract: the paper considers the peculiarities of the interpreter's participation in the proceedings of foreign countries. The statistics of the interpreter's participation in the district courts are analyzed.

Ключевые слова: переводчик, уголовное судопроизводство, статистика, язык разбирательства.

Keywords: translator, criminal proceedings, statistics, language of proceedings.

В теоретической литературе по судебному переводу существует консенсус в отношении того, что переводчик должен устранять языковые барьеры между участниками процесса и обеспечивать коммуникацию между сторонами. Дискуссия, однако, идет о том, как это задание должно быть выполнено. В правовой традиции англо-американских стран широко распространено мнение, что судебные переводчики должны ограничивать свою деятельность точным и дословным воспроизведением того, что говорится в зале суда. Роль переводчика заключается в том, чтобы перевести человека, говорящего на иностранном языке, в такое же положение человека, который понимает язык разбирательства, а не в более или менее благоприятное положение. Именно таким образом постулируется роль бессильного и невидимого переводчика в зале суда. Он/она должен функционировать только как средство передачи или «лингвистический канал» и, следовательно, ничего не добавлять, ничего не упускать и не объяснять культурные различия во время интерпретации.

Судебный перевод включает в себя лингвистическое и культурное действие, целью которого является преодоление языковых барьеров и культурных недоразумений, которые могут привести к лингвистическому отсутствию ответчиков, не говорящих по-английски, на их собственном судебном разбирательстве[1]. Высокий уровень владения исходным и целевым языками и культурами, включая знание географических различий, понимание юридического процесса и соответствующей терминологии, способность манипулировать различными стилями дискурса, используемыми в зале суда, наряду с навыками устного перевода и соблюдением стандартов этики и профессионального поведения, имеют важное значение для защиты право не говорящего по-английски на надлежащую правовую процедуру.

Демографические изменения в Соединенных Штатах, прецедентное право, признающее право лиц, не говорящих по-английски, на точный перевод судебных разбирательств, а также законодательство штатов и федеральное законодательство, регулирующее услуги устного перевода в ходе судебных разбирательств, привели к росту потребности в квалифицированных, компетентных, сертифицированных судебных переводчиках. Используя аутентичные примеры, взятые из стенограмм судебных заседаний, эта статья призвана продемонстрировать, как языковое присутствие неанглоговорящего ответчика в его собственном деле неразрывно связано со степенью точности перевода. Хотя основное внимание уделяется испаноязычному населению США, обсуждаемые концепции применимы к судебному переводу на другие языки.

Ряд судов постановил, что физического присутствия обвиняемого в зале суда недостаточно для юридического присутствия; для того чтобы обвиняемый по уголовным делам «содержательно присутствовал», все, что говорится по делу, должно быть передано на понятном ему языке. Эта концепция, известная как «лингвистическое присутствие», требует услуг квалифицированного переводчика с иностранного языка для лиц, не говорящих по-английски, и сурдопереводчика для лиц с нарушениями слуха.

Верховный суд Аризоны постановил: Неспособность ответчика понять ход судебного

разбирательства была бы не только в корне несправедливой, но и особенно неуместной в государстве, где значительное меньшинство населения обременено недостатком неспособности эффективно общаться на нашем национальном языке. Неспособность обвиняемого спонтанно понимать данные показания, несомненно, ограничила бы эффективность его или ее адвоката, особенно при перекрестном допросе. Это было бы похоже на то, как если бы обвиняемый был вынужден наблюдать за процессом из звуконепроницаемой кабинки или сидел вне пределов слышимости в задней части зала суда, имея возможность наблюдать, но не понимать уголовные процессы, в результате которых государство поставило под угрозу его или ее свободу. Такой судебный процесс близок к тому, чтобы быть оскорблением бесчувственного объекта, возможно, нарушая основное право обвиняемого присутствовать в зале суда на каждой стадии его или ее судебного разбирательства[3].

Данные переписи населения США и статистика использования устных переводчиков в окружных судах США свидетельствуют о росте числа носителей иностранных языков и потребности в судебных переводчиках на иностранных языках в Соединенных Штатах. Исследование последних решений судебных переводчиков, принятых судами штатов и федеральными судами, показывает, что лица, не говорящие по-английски, все чаще появляются в судах по всей стране и что многие суды с трудом справляются с нехваткой квалифицированных переводчиков. Переписи показывают, что число людей в возрасте пяти лет и старше, которые говорили дома на другом языке, кроме английского, выросло на 38 процентов в 1980-х годах и на 47 процентов в 1990-х годах. В 2000 году 18 процентов от общей численности населения в возрасте пяти лет и старше, или 47 миллионов человек, сообщили, что дома они говорили на другом языке, кроме английского. В пределах границ Соединенных Штатов было выявлено около 2000 уникальных языков. Численность людей, говоривших на языке, отличном от английского, составляла 29 процентов на Западе; 20 процентов на Северо-востоке; 15 процентов на Юге; и девять процентов на Среднем Западе. Как правило, самая высокая концентрация не говорящих по-английски была в штатах, граничащих с Мексикой, Тихим и Атлантическим океанами.

С 1990 по 2000 год число лиц, не говорящих на английском языке, по меньшей мере удвоилось в шести штатах. Число носителей испанского языка выросло примерно на 60 процентов, и испанский продолжал оставаться неанглийским языком, на котором чаще всего говорят дома в США, за ним следуют китайский (2 миллиона человек), французский (1,6 миллиона) и немецкий (1,4 миллиона).

Из 20 неанглийских языков, на которых чаще всего говорят дома, наибольший пропорциональный прирост пришелся на русскоговорящих, число которых почти утроилось с 242 000 до 706 000. Второе по величине увеличение произошло среди носителей французского креольского языка (языковая группа, включающая гаитянских креолов), численность которых более чем удвоилась со 188 000 до 453 000 человек.

Согласно данным переписи населения США 2000 года, на испанском говорили больше, чем на любой другой языковой группе во всех регионах страны. И хотя число испаноговорящих выросло во всех регионах, более трех четвертей этого прироста пришлось на Запад и Юг, где в совокупности насчитывалось примерно в три раза больше испаноговорящих (21 миллион), чем на Северо-Востоке и Среднем Западе вместе взятых (7,1 миллиона). В Калифорнии был самый большой процент не говорящих по-английски (39 процентов), за которыми следуют Нью-Мексико (37 процентов), Техас (31 процент), Нью-Йорк (28 процентов), Гавайи (27 процентов), Аризона и Нью-Джерси (каждый примерно по 26 процентов). Наибольший процентный прирост в период с 1990 по 2000 год среди населения, говорившего дома на другом языке, кроме английского, произошел в Неваде (193 процента), где также наблюдался самый высокий темп прироста населения за десятилетие. Рост во Флориде составил 65,6 процента. Число неанглоговорящих жителей Джорджии увеличилось на 164 процента, за ними следуют Северная Каролина (151 процент), Юта (110 процентов), Арканзас (104 процента) и Орегон (103 процента).

Во Флориде, по имеющимся данным, 23,1 процента населения в 2006 году говорили дома на другом языке, кроме английского. Испаноязычные составляли почти половину (1,4 миллиона) прироста населения страны в 2,9 миллиона человек в период с 1 июля 2005 года по 1 июля 2006 года. По состоянию на 1 июля 2006 года в Калифорнии проживало самое большое испаноязычное население из всех штатов (13,1 миллиона), за ней следовали Техас (8,4 миллиона) и Флорида (3,6 миллиона). В период с 2005 по 2006 год в Техасе наблюдался наибольший численный прирост (305 000), за ним следовали Калифорния (283 000) и Флорида (161 000).

На уровне федерального окружного суда были созданы новые программы, облегчающие использование сертифицированных и других квалифицированных переводчиков. Административное

управление судов Соединенных Штатов, например, ведет национальную базу данных судебных переводчиков, чтобы помочь федеральным судам в поиске переводчиков на ряде языков[4, с.56]. На конец 10-х годов финансового года база данных содержала имена 880 действующих сертифицированных устных переводчиков и 1869 «других квалифицированных» переводчиков на 103 языках. Кроме того, Программа телефонного устного перевода федеральной судебной системы (TIP) обеспечивает удаленный устный перевод в ходе коротких судебных разбирательств, когда сертифицированные или иным образом квалифицированные переводчики недоступны на месте. В 2005 финансовом году услугами TIP воспользовались на 3600 мероприятиях на 40 языках.

Многое еще предстоит сделать для решения проблемы нехватки квалифицированных переводчиков, поскольку в США наблюдается значительный рост языкового плюрализма. Согласно Отчету, об управлении Федеральным судом от 24 июля 2006 года, 72 процента судебных разбирательств с устным переводом на испанский язык в 2005 году были проведены сертифицированными переводчиками, и многие федеральные суды использовали сертифицированных переводчиков по гораздо более низким ставкам. Таким образом, если судебный перевод призван преодолеть языковые барьеры и культурные недоразумения, суды должны обеспечить использование квалифицированных переводчиков. Чтобы ответчик действительно присутствовал, лингвистически и культурно верная и точная интерпретация заявлений, произнесенных или зачитанных в суде, должна быть переведена с языка источника на язык перевода и наоборот.

В контексте соблюдения процессуальных прав языковых меньшинств точный, беспристрастный и полный перевод сохраняет эквивалентность и позволяет обвиняемым, не говорящим по-английски, лингвистически присутствовать и, таким образом, осмысленно участвовать в нашей системе уголовного правосудия.

Библиографический список:

1. Винников А. В. О мировых закономерностях полицейского и судебного перевода. Техника и специфика юридического перевода // Евразийская адвокатура. -2013. - № 1. - С. 89-103.
2. Ларин А. А., Обидина Л. Б. Участие переводчика в суде и на досудебных стадиях процесса: проблемы и пути их решения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2016. - № 3. - С. 143-147.
3. Обидина Л. Б. Культура судебного перевода: проблемы практики // Юридическая техника. - 2016. - № 10. - С. 557-563.
4. Муратова И.А. Содержание и формат сертификационного экзамена судебных переводчиков как методическая проблема. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 2006. 201с.

Козлова Дарья Валерьевна
Kozlova Darya Valeryevna

Студентка Уральского филиала Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Челябинск), юридический факультет.

УДК 34

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ С ПОЗИЦИЙ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MEDIATION IN BRIBERY FROM THE STANDPOINT OF THE INSTITUTION OF COMPLICITY IN CRIME

Аннотация: в работе рассмотрены проблемы квалификации посредничества во взяточничестве с позиции института соучастия в преступлении, а также вопросы разграничения соучастия и посредничества во взяточничестве. Автор рассматриваются различные подходы решения заявленной проблемы.

Abstract: the paper considers the problems of qualification of mediation in bribery from the position of the institution of complicity in crime, as well as the issues of differentiation of complicity and mediation in bribery. The author considers various approaches to solving the stated problem.

Ключевые слова: проблемы квалификации посредничества во взяточничестве, посредничество во взяточничестве, соучастие в преступлении, взяточничество.

Keywords: problems of qualification of mediation in bribery, mediation in bribery, complicity in crime, bribery.

Институт соучастия в преступлении по праву признается в теории уголовного права одним из самых сложных и дискуссионных, несмотря на свою длительную историю существования в юридической доктрине. Значительная часть вопросов квалификации преступных посягательств, совершенных в соучастии, вплоть до сегодняшних дней продолжают вызывать живой научный интерес и вызывать бурные дискуссии, особенно на фоне постоянно меняющегося уголовного законодательства. К числу преступлений, где проблемы соучастия в преступлении и вопросы уголовно-правовой оценки деяний соучастников в последние годы стоят наиболее остро, относится взяточничество. В настоящее время в научном сообществе одной из самых обсуждаемых проблем квалификации взяточничества, в том числе с точки зрения института соучастия в преступлении, является преступление, предусмотренное ст. 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Указанная правовая норма предусматривает уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве. Как определил законодатель, посредничество во взяточничестве заключается в: 1) «непосредственной передаче взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя»; 2) «ином способствовании взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки» (например, организация их встречи, ведение переговоров с ними и т. п.).

В юридической литературе такая форма посредничества во взяточничестве, как «непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя», получила название физического посредничества [1,41]. В то время как вторая форма посредничества во взяточничестве «иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки», в доктрине уголовного права именуется интеллектуальным посредничеством [2,29].

Акцентируя внимание на проблемах квалификации посредничества во взяточничестве, прежде всего, стоит сказать, что мнения ученых разделились относительно целесообразности выделения посредничества во взяточничестве в самостоятельную уголовно-наказуемую форму взяточничества, предусмотренную отдельной законодательной нормой. Так, А.И. Рарог считает, «что реальное посредничество при отсутствии квалифицирующих признаков вообще ненаказуемо» [3,94].

Критики ст. 291.1 УК РФ аргументируют свою точку зрения тем, что «посредничество во взяточничестве можно квалифицировать и без специального состава, с учетом положений Общей

части УК РФ о соучастии в преступлении» [4,290]. В то время как сторонники введения в уголовное законодательство ст. 291.1 УК РФ, напротив, уверены в том, что «дифференциация ответственности и выделение отдельного состава преступления в виде посредничества во взяточничестве должна способствовать справедливому привлечению виновных к ответственности».

В уголовно-правовой доктрине основная часть критики в адрес посредничества во взяточничестве обусловлена именно сложностями, возникающими при квалификации преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ, с позиций института соучастия в преступлении. Так, в постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 прямо указано, что «действия лиц, не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренными ст. 290 УК РФ, участвующих в получении взятки группой лиц по предварительному сговору, квалифицируются при наличии к тому оснований как посредничество во взяточничестве» [5, 247].

Рассмотрим основные проблемы применения ст. 291.1 УК РФ при соучастии во взяточничестве. Первая проблема состоит в разграничении физического посредничества во взяточничестве от дачи взятки. Данная проблема заключается в том, что, во-первых, и взяткодатель, и физический посредник оба непосредственно участвуют в самом процессе вручения предмета взятки должностному лицу. Во-вторых, как взяткодатель, так и посредник, могут действовать не в своих личных интересах, а в интересах третьих лиц. В связи с этим провести разграничение таких субъектов двух разных преступлений очень проблематично. В юридической литературе ученые предлагают разные критерии отграничения физического посредника от взяткодателя. Например, «инициатива в даче взятки, заинтересованность в определенном служебном поведении взяткополучателя, принадлежность имущества, передаваемого от взяткодателя, взяткополучателю и др.» [6,45].

Такие критерии нашли закрепление и в постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24, где в п. 13.4 указано, что «при отграничении посредничества во взяточничестве в виде непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя от дачи взятки должностному лицу за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого взяткодателям физического либо юридического лица следует исходить из того, что посредник передает взятку, действуя от имени и за счет имущества взяткодателя».

В отличие от посредника взяткодатель, передающий взятку за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого им лица, использует в качестве взятки принадлежащее ему или незаконно приобретенное им имущество» [7]. Вторая, и одна из самых широко обсуждаемых проблем квалификации преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ, состоит в юридической оценке действий посредника во взяточничестве в случаях, когда размер взятки не является значительным, поскольку в ч. 1 ст. 291.2 УК РФ законодатель криминализировал только посредничество во взяточничестве в случаях если стоимость предмета взятки превышает 25 000 рублей.

В уголовно-правовой доктрине сформировалось два основных подхода решения заявленной проблемы. Первый подход заключается в том, что в описанных выше случаях, посредник во взяточничестве, при размере взятки менее 25 000 рублей, не подлежит уголовной ответственности ни по одной статье УК РФ. Данной точки зрения придерживаются, например, С. Д. Белов, Н. В. Чекмачева [8,43]. Обозначенная позиция отрицательно оценивается большинством юристов. В частности, П. С. Яни, рассматривая данный проблемный вопрос, подчеркивает, что «декриминализация указанных действий, представляющих собой широко распространенную на практике разновидность коррупции, не могла являться целью законодателя при включении в состав УК РФ данной статьи» [9,13].

Между тем, именно первый подход нашел юридическое подтверждение в п. 13.3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2013 г. № 24, где в декабре 2019 г. Высшая судебная инстанция уточнила, что «исходя из диспозиции ст. 291.1 УК РФ, согласно которой уголовно наказуемым признается посредничество во взяточничестве, совершенное в значительном, крупном и особо крупном размере, лицо, оказавшее посреднические услуги при передаче взятки на сумму, не превышающую двадцати пяти тысяч рублей, не может нести ответственности как соучастник в получении и даче взятки, мелком взяточничестве со ссылкой на ст. 33 УК РФ». Однако, как уже было отмечено, такое решение Высшей судебной инстанции России не получило широкой поддержки в научном сообществе.

Ряд ученых считает, что такая дифференциация уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве не способствует реализации принципа справедливости в уголовном праве, закрепленном в ст. 6 УК РФ. По этой причине отдельные специалисты в области уголовного права

предлагают внести изменения в редакцию ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, исключив из нее указание на значительный размер взятки [10,96].

Однако более рациональной и целесообразной представляется позиция юристов, по мнению которых «криминализация посредничества во взяточничестве в качестве самостоятельного состава преступления не обоснована, поскольку уголовно-правовое регулирование посреднической деятельности в достаточной мере осуществляется нормами института соучастия в преступлении» [11,125].

Обозначенный подход, действительно, стоит признать более правильным с точки зрения действующего уголовного законодательства (руководящие разъяснения Верховного Суда РФ, в соответствии с ст. 1 УК РФ, не относятся к уголовному законодательству). «В зависимости от конкретного способа посредничества во взяточничестве, действия посредника могут быть квалифицированы как соисполнительство в даче или получении взятки, либо как пособничество в совершении преступлений», предусмотренных ст. 290 или ст. 291 УК РФ, со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

В поддержку данной позиции высказываются в своих трудах такие ученые, как В. Н. Борков [12,10], Д. Гарбатович [13,6], М. И. Моисеенко [14,49]. Следует согласиться с тем, что «посредничество во взяточничестве является частным случаем соучастия в преступлении», поскольку положения ст. 291.1 УК РФ, по сути, дублируют нормы института соучастия в преступлении.

Таким образом, в некоторых исследованиях преобладает точка зрения что выделение посредничества во взяточничестве в самостоятельный состав преступления следует признать нецелесообразным, т. к. положения главы 7 УК РФ в полной мере охватывают все возможные случаи посредничества во взяточничестве и позволяют решить вопрос об уголовной ответственности посредника в получении или в даче взятки. В целях устранения множества проблем квалификации посредничества во взяточничестве, в том числе тех из них, которые были описаны выше, по мнению некоторых авторов верным решением будет декриминализация преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ.

Библиографический список:

1. Яни, П.С. Физическое посредничество во взяточничестве // Законность. – 2014. – № 11. – С. 41–45.
2. Яни, П. С. Интеллектуальное посредничество во взяточничестве: начало и окончание // Законность. – 2014. – № 12. – С. 28–32.
3. Рарог, А.И. Актуальные проблемы уголовного права // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 91-95.
4. Ображиев, К.В. Криминализация посредничества во взяточничестве: основные модели // Проблемы применения уголовного закона в современных условиях: сборник научных статей по итогам межвузовского научно – практического семинара в Московском университете МВД России, 24 мая 2013 года. – М.: Юриспруденция, 2014. – С. 285–296.
5. Барсегян, В.А. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Юридическая наука и практика: взгляд молодых ученых: сборник материалов II Всероссийской студенческой научной конференции, 10-11 апреля 2014 года. – Рязань: Концепция, 2014. – С. 245-247.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
7. Козлов, А.Е. Актуальные проблемы квалификации взяточничества и соучастия в нем // Журнал правовых и экономических исследований. – 2014. – № 3. – С. 44 -49. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
8. Белов, С.Д., Чекмачева Н.В. Уголовное преследование за посредничество во взяточничестве // Законность. – 2011. – № 10. – С. 41-44.
9. Яни, П.С. Посредничество во взяточничестве // Законность. – 2011. – № 9. – С. 12-18.
10. Икрянникова, А.С. Соучастие в коррупционных преступлениях: проблемы квалификации (по материалам судебной практики) // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 2 (23). – С. 92-96.

11. Субачев, А.К. Оценка криминализации посредничества во взяточничестве с позиции влияния на эффективность уголовно-правового регулирования института соучастия // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 122-126.
12. Борков, В.Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. – 2011. – № 4. С. 9-14.
13. Гарбатович, Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. – 2011. – № 5. – С. 4-8.
14. Моисеенко, М. И. Актуальные вопросы уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 4 (22). – С. 45-55.

Алиева Мадина Беслановна
Alieva Madina Beslanovna

магистрант юридического факультета Ингушского государственного университета

Дикажев М.М.
Dikazhev M.M.

Научный руководитель - профессор кафедры теории и истории государства и права
Ингушского государственного университета д.ю.н.

УДК 34

СИСТЕМА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE SYSTEM OF ELECTION COMMISSIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В научной статье проведен анализ системы избирательных комиссий по выборам и референдуму. Показано место и назначение избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации на примере Республики Ингушетия. При этом раскрыто содержание элементов понятийного аппарата, используемого при характеристике избирательных комиссий.

Annotation. The scientific article analyzes the system of election commissions for elections and a referendum. The place and appointment of election commissions in the constituent entities of the Russian Federation is shown on the example of the Republic of Ingushetia. At the same time, the content of the elements of the conceptual apparatus used in the characterization of election commissions is disclosed.

Ключевые слова: выборы, референдум, избирательные комиссии, статус избирательных комиссий, избирательное законодательство.

Key words: elections, referendum, election commissions, status of election commissions, election legislation.

Согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» выборы и референдумы в Российской Федерации организуют и проводят избирательные комиссии.

Дефиниция термина избирательная комиссия приведена в пункте 12 статьи 2 Федерального закона о выборах: «это коллегиальный (государственный или муниципальный) орган, формируемый в порядке и сроки, которые установлены законом, организующий и обеспечивающий подготовку и проведение выборов» [3, ст. 2]. Согласно принципу разделения властей в Российской Федерации [1, ст. 10] избирательные комиссии формально не относятся к органам государственной власти, являются независимыми государственными органами с особым статусом, не входящими ни в одну из трех ветвей власти и наделенными специфическими функциями, связанные с организацией и проведением выборов и референдума. К таким комиссиям согласно базовому закону относятся Центральная избирательная комиссия, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, территориальные комиссии и участковые избирательные комиссии. Например, в Республике Ингушетия организованы Избирательная комиссия Республики Ингушетия, 9 территориальных комиссий, 128 участковых избирательных комиссий. Среди них участковые комиссии самые массовые и они организуют непосредственное голосование по выборам и референдуме.

Выборы являются как формой осуществления народовластия, так и необходимой его гарантией и предпосылкой. Поэтому важен не только сам факт того, что в стране проводятся выборы, но и как они организованы.

Бесспорно, что достигаемый правовой результат, в том числе и результаты выборов, получается в виду целой совокупности юридических фактов, которые, образуют определенную систему, обеспечивают последовательное движение участников процесса к заданной цели.

Статья 20 основного по выборам Федерального закона под названием «Система и статус избирательных комиссий, комиссий референдума», закрепила перечень таких комиссий: ЦИК Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, избирательные комиссии муниципальных образований, окружные комиссии, территориальные и участковые комиссии.

На практике в зависимости от стадий избирательного процесса - федеральный, региональный, муниципальный предложенная система может меняться, то есть часть из этой системы – некоторые комиссии на практике не формируются.

Вместе с тем, основные комиссии этой системы избирательных комиссий ЦИК Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, территориальные комиссии, должны организовываться обязательно. Последние комиссии являются постоянно действующими избирательными государственными органами соответствующего уровня. Обязательно также формирование участковых избирательных комиссий, создаваемых для работы в периоды избирательных кампаний и кампаний референдума. На них возлагается основная работа по организации голосования и подсчета голосов избирателей (участников референдума).

По мнению В.О. Лучина, «система избирательных комиссий и в настоящее время сохраняет свои основные звенья - центральный, региональные (субъектовые) и районные избирательные органы. Эта система, сформированная еще в царское время, в российском контексте доказала свою жизнеспособность» [5, с. 42]. Но их функционирование на постоянной основе - новый этап в развитии данной системы. Он связан с большим количеством проводимых выборов федерального, регионального и местного уровней, что объективно требует наличия устойчивых и компетентных избирательных органов. Что касается звена региональных комиссий, то его существование также связано с конституционным принципом федерализма. Избирательная комиссия Республики Ингушетия по структуре и формам работы аналогична Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, а также вышестоящей комиссией для всех девяти территориальных избирательных комиссий Республики Ингушетия.

Одним из полномочий Центральной избирательной комиссии Российской Федерации закрепленных в пункте 9 статьи 21 базового Федерального закона, комиссия «осуществляет контроль за соблюдением избирательных прав граждан, обеспечивает реализацию мероприятий, связанных с подготовкой и проведением выборов, развитием избирательной системы Российской Федерации, правовым обучением избирателей, профессиональной подготовкой членов избирательных комиссий и других организаторов выборов, оказывает правовую, методическую, организационно-техническую помощь избирательным комиссиям, исполняет ряд других полномочий» [3, ст. 21].

Избирательные комиссии субъектов Российской Федерации и территориальные комиссии полностью в работе взаимодействуют с соответствующими нижестоящими комиссиями – участковыми избирательными комиссиями, координируют их деятельность, оказывают им помощь. В свою очередь избирательные комиссии муниципальных образований (в Республике Ингушетия девять муниципальных образований: 5 городов и 4 района) организуют свою работу в системе. Они связаны с вышестоящими комиссиями, для них это избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, отдельными вертикальными связями.

Принцип работы в одной системе избирательных комиссий действует на федеральном и на субъектовом уровне. С принятием базового Федерального закона о выборах, в котором определены соответствующие вертикальные связи между избирательными комиссиями всех уровней, в большинстве субъектов Российской Федерации приняты законы, устанавливающие региональную систему избирательных комиссий. В основном это было видно в специальных законах, регламентирующие выборы законодательных органов регионов, муниципальные выборы, то есть под конкретные виды выборов. В отдельных субъектах Российской Федерации также приняты законы общего характера о системе избирательных комиссий, в которых установлена иерархия региональных избирательных комиссий во главе с избирательной комиссией субъекта Российской Федерации.

Например, в Республике Ингушетия принят Закон от 28 марта 2016 года № 10-РЗ «О системе избирательных комиссий в Республике Ингушетия» [4]. Согласно этому закону в Республике Ингушетия действует Избирательная комиссия Республики Ингушетия, избирательные комиссии муниципальных образований, окружные избирательные комиссии, территориальные (районные, городские) комиссии, участковые комиссии.

Также в данном законе определены статус членов избирательных комиссий; общие условия формирования избирательных комиссий; вопросы организации деятельности комиссий; случаи и порядок расформирования комиссий.

Таким образом, руководствуясь нормами базового Федерального закона, установившим принципы системы избирательных комиссий и закрепившим российскую систему избирательных комиссий, в субъектах Российской Федерации приняты законы, определяющие системы комиссий в

самих субъектах. При этом между разными звеньями системы устанавливаются вертикальные взаимосвязи, соподчиненность избирательных комиссий постепенно усиливается.

В части любой избирательной кампании по выборам федерального, регионального и муниципального уровней актами Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Избирательной комиссией Республики Ингушетия, территориальными избирательными комиссиями обязательно разрабатываются календарные планы мероприятий по подготовке и проведению выборов, они размещаются в свободном доступе на официальном сайте соответствующей избирательной.

При этом по своему статусу все избирательные комиссии не являются органами законодательной или исполнительной власти, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, органами управления коммерческих и некоммерческих организаций. На них распространяется своё собственное законодательство.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03. 2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. - 2020. - № 55-16 марта.

2. О референдуме Российской Федерации: федер. конст. закон от 28 июня 2004 г. № 5- ФКЗ (в ред. от 30.12.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 27. Ст. 2710.

3. Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

4. О системе избирательных комиссий в Республике Ингушетия: закон Республики Ингушетия от 28 марта 2016 года № 10-РЗ (в ред. от 13 июля 2022 г.) // «Ингушетия». 2016. № 44.

5. Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. Учебное пособие. М., 2015.

Чехова Екатерина Андреевна
Chekhova Ekaterina Andreevna

Студент магистратуры

Российский государственный университет правосудия (Приволжский филиал)

E-mail: tchekova.yekaterina2013@yandex.ru

УДК 34

ДЛЯЩИЕСЯ И ПРОДОЛЖАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И УГОЛОВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ONGOING AND ONGOING CRIMES: CONCEPT, SIGNS AND CRIMINAL SIGNIFICANCE

Аннотация: В статье автор рассматривает актуальную проблему, заключающуюся в сложности отграничения длящегося преступления от продолжаемого преступления, поскольку в уголовном законодательстве отсутствует закрепление понятий «длящееся преступление» и «продолжаемое преступление», а также отсутствует норма, раскрывающая признаки, по которым можно провести разграничение данных преступлений.

Annotation: In the article, the author considers an urgent problem consisting in the difficulty of distinguishing a continuing crime from a continuing crime, since there is no consolidation of the concepts of «continuing crime» and «continuing crime» in criminal legislation, and there is also no norm that reveals the signs by which these crimes can be distinguished.

Ключевые слова: длящееся преступление, продолжаемое преступление, отграничение видов преступлений, предложение по совершенствованию уголовного законодательства.

Keywords: continuing crime, continuing crime, restriction of types of crimes, proposal for improving criminal legislation

Единое преступление — это преступление, предусмотренное уголовным законом как единый, один, самостоятельный состав преступления. Главным признаком единого преступления является то, что оно охватывается одной и той же статьей УК РФ. Неопределенность понятия единого преступления образует определенную неопределенность и в разделении единичных преступлений на виды. Кроме простых единичных преступлений, в науке уголовного права выделяют сложные (усложненные) преступления.

А.А. Пионтковский среди единичных сложных преступлений выделяет: продолжаемые преступления, длящиеся преступления, составные преступления, тождественные преступления, рецидив преступлений [8, 209].

Продолжаемое преступление как единое складывается из нескольких тождественных эпизодов, каждый из которых образует самостоятельное деяние, но не имеющее самостоятельного юридического значения, а являющегося составным компонентом единого преступления. Таким образом, продолжаемое преступление – деяние, как бы разделенное на части, каждая из которых образует этап преступной деятельности, направленный на единый результат. Его сущность обосновал еще Н.С. Таганцев, указав, что его «объединяющее условие» находится во внутренней стороне деяния – в виновности, а объективные признаки: разделенность объекта, времени, места, способа действий и однородность деятельности составляют только доказательства его внутренней стороны [3, 108].

Более чем за сто лет подход к определению признаков продолжаемого преступления фактически не изменился. Их также разделяют на объективные и субъективные признаки. К числу первых относят: множество эпизодов преступного поведения; их тождество (единообразие действий (их одинаковость) – одну и ту же форму или способ совершения деяния); единый результат деяния (последствие); момент окончания преступления – совершение последнего эпизода. К числу вторых: охват единым умыслом всех эпизодов деяния (его частей) и единство мотива и цели его совершения [4, 18].

Длящиеся преступления выражаются в невыполнении виновным обязанностей под угрозой уголовного наказания (например, незаконное лишение свободы, уклонение от уплаты алиментов, налогов, невыполнение обязанностей налогового агента и др.). Более полно его определял В.Н.

Кудрявцев, объясняя, что оно начинается с действия или бездействия, и образуется не за счет первоначального акта, а последующего бездействия (вплоть до задержания или отпадения какого-либо элемента состава), сущность которого состоит в неисполнении конкретной обязанности (сдать оружие, вернуться в воинскую часть и т.п.) [5, 111].

Окончание длящегося преступления учеными определяется по-разному. С.А. Силаев им считает полное прекращение выполнения объективной стороны состава преступления [6, 153]. Д.Ю. Краев полагает, что оно юридически окончено до фактического прекращения действий (бездействий), то есть до момента завершения противоправного поведения (состояния) [7, 17]. Однако общепринятым является признание его оконченным с момента пресечения действий (бездействия) виновного или их прекращения самим виновным при наличии объективной возможности продолжения противоправного поведения, которое выражается в начале исполнения им своих обязанностей.

В единичном не длящемся преступлении момент окончания более однозначен, поскольку носит одномоментный характер. Он знаменуется тем, что виновный выполнил все запрещенные действия, и далее его поведение перестает быть противоправным. Поэтому совокупность преступлений является оконченной с момента совершения второго преступного акта (реальная) или с момента выполнения такого действия, которое одновременно охватывает несколько разных преступных деяний (идеальная). Таким образом, правильное понимание момента окончания длящегося преступления имеет ключевое значение для его отграничения от совокупности преступлений. Именно этот объективный признак преступного поведения следует признать главным критерием их разграничения.

Показательным примером длящегося преступления может служить хранение взрывчатых веществ. Под незаконным хранением взрывчатых веществ следует понимать их сокрытие в помещениях, тайниках, а также в иных местах, обеспечивающих их сохранность [1].

Все составы длящихся преступлений имеют конструкцию формального состава. Как известно из теории уголовного права, одним из обстоятельств наступления момента окончания преступления с формальным составом является желание правонарушителя прекратить свою противоправную деятельность либо выполнять свои обязанности, предусмотренные законом. Уголовный кодекс РФ предусматривает наличие института освобождения от уголовной ответственности, содержащегося, например, в примечании к статье 222.1 УК РФ, а именно: «Лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности по данной статье». Проанализировав вышесказанное, напрашивается вывод, что при осуществлении хранения взрывчатых веществ одним из случаев наступления момента окончания преступления будет добровольная сдача этих взрывчатых веществ. Таким образом, сопоставив данное обстоятельство и условие освобождения от уголовной ответственности за данное преступление, можно сделать вывод, что они совпадают, и лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с наступлением момента окончания преступления, а именно хранения взрывчатых веществ. Данный факт, по нашему мнению, не является справедливым, так как лицо умышленно совершило противоправное деяние, окончило его и в дальнейшем будет освобождено от уголовной ответственности.

Как известно, субъективная сторона длящегося преступления характеризуется только виной в форме прямого умысла. Причем прямой умысел преступника всегда формируется конкретной целью преступника.

На практике часто смешиваются продолжаемые и длящиеся преступления. Определение длящегося преступления не содержит признаков, которые позволили бы быстро и безошибочно провести разграничение между ним и продолжаемым преступлением, которое также характеризуется длительностью при совершении действия или бездействия.

В правоприменительной практике нередко возникают проблемы, связанные с отсутствием законодательного закрепления понятий «продолжаемое преступление» и «длящееся преступление». Вместе с тем, должного внимания разработке понятийного аппарата по этому вопросу на законодательном уровне не уделяется. Лишь в далеком 1929 году Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.29 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» была предпринята попытка дать толкование вышеупомянутым понятиям, которое, по нашему мнению, в современных реалиях видится несколько неточным и устаревшим.

В связи с этим нередко возникают проблемы отграничения продолжаемых преступлений от совокупности преступных деяний, а также проблемы, связанные с освобождением от уголовной

ответственности при совершении некоторых видов длящихся преступлений [2, 19]. Поскольку одно и то же преступление не может одновременно быть и длящимся, и продолжаемым.

Предположим, что лицо намеревалось незаконно лишить кого-то свободы; потом с какой-то целью отпустило этого человека на некоторое время, а потом снова незаконно лишило его свободы. Но непонятно, насколько такие ситуации возможны в действительности и, кроме того, насколько эта конструкция будет иметь какое-либо практическое значение. К тому же для данного случая вполне применимы аргументы, в подтверждение тезиса о том, что длящееся преступление совершается без перерывов (и что перерывы в его совершении являются только мнимыми).

Можно выделить следующие отличительные черты продолжаемого и длящегося преступления: продолжаемое преступление всегда подразумевает под собой совершение разных преступных действий по одному составу на протяжении длительного периода времени; длящееся правонарушение всегда непрерывно длится; продолжаемое преступление может прерываться, а длящееся нет. Однако, основное отличие длящегося правонарушения от продолжаемого – последнее может окончить только лишь сам преступник, а первое может окончить он сам или же оно может быть завершено по другим причинам, которые от него не зависят.

Также между этими преступлениями существуют отличия и по субъективным признакам. В длящемся преступлении умысел реализуется одновременно с совершением действия (бездействия). А в продолжаемом преступлении совершенные деяния объединены единым преступным умыслом, реализуемым поэтапно в течение определенного времени. По нашему мнению, с целью отсутствия противоречий на практике, будет целесообразно закрепить в УК РФ основные признаки продолжаемых и длящихся преступлений. В качестве основы могли бы послужить приведенные выше признаки, которые позволяют отграничивать продолжаемые и длящиеся преступления [9, 8].

Г.Б. Кишиева предлагает ввести в Уголовный кодекс РФ норму, содержащую понятие «продолжаемое преступление», под которым следует понимать единое посягательство на объект уголовно-правовой защиты, выраженное в форме тождественных умышленных действий, осуществляемое с целью достижения единого результата. При этом, под длящимся преступлением предлагается понимать непрерывное посягательство на определенный объект уголовно-правовой защиты, выраженное в форме умышленного действия или бездействия, осуществляемое с целью непрерывного его совершения [2, 21]. Согласимся с мнением этого автора. Данное законодательное нововведение даст возможность привести судебное толкование по квалификации продолжаемых и длящихся преступлений в соответствии с законодательством и теорией уголовного права.

Следовательно, то обстоятельство, что некоторые преступления могут непрерывно совершаться в течение определенного промежутка времени, приводит не к трудностям при отграничении этих преступлений, а особенностям в применении в отдельных случаях закона к данным преступным деяниям. Но такие же особенности в применении закона касаются и других преступлений, совершаемых неодномоментно: продолжаемых преступлений и преступлений, состоящих в осуществлении определенной деятельности. В этом понимании правовая природа всех указанных преступлений похожа.

Таким образом, сегодня существуют определенные проблемы в отграничении продолжаемых и длящихся преступлений. Будет целесообразно ввести в Уголовный кодекс норму, содержащую понятия «продолжаемое преступление» и «длжщееся преступление», и раскрыть дефиниции следующим образом: «продолжаемым преступлением признается единое посягательство на объект уголовно-правовой защиты, выраженное в форме тождественных умышленных действий, осуществляемое с целью достижения единого результата»; «длжщимся преступлением признается непрерывное посягательство на объект уголовно-правовой защиты, выраженное в форме умышленного действия или бездействия, осуществляемое с целью непрерывного его совершения».

Библиографический список:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Справочно-правовая система Консультант Плюс
2. Кишиева Г.Б., Трефилова Е.Г. К вопросу о необходимости законодательного закрепления понятий «продолжаемое преступление» и «длжщееся преступление» // *colloquium-journal*. 2020. № 10. - С.18-21.
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т.2. М.: Наука, 2004. - 301с.
4. Пантюхина И.В. Вопросы отграничения продолжаемого преступления от совокупности

преступлений // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2019. № 4. - С.18.

5. Османова Э.Р. Проблемы отграничения продолжаемого преступления от длежащего преступления // NovaUm.ru. 2022. № 36. - С.111-113.

6. Силаев С.А. К вопросу об окончании длежащего преступления // Российский юридический журнал. 2018. № 3. - С. 153.

7. Краев Д.Ю. Множественность преступлений: Учеб. Пособие. Санкт-Петербург. 2019. - 229с.

8. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат. 1961. – 667с.

9. Ермакова Н.О. Проблемы квалификации продолжаемых преступлений // Школа науки. 2020. № 5 – С.7-9.

Штефан Алёна Владимировна
Stefan Alena Vladimirovna

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии

Сазонов Максим Вячеславович
Sazonov Maxim Vyacheslavovich

студент магистратуры
Челябинский государственный университет (г. Челябинск)

УДК 343.23

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОВОКУПНОСТИ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED IN THE COLLECTIVE

Аннотация. В статье раскрываются виды совокупности преступлений, а также особенности квалификации преступлений, совершенных в совокупности. Автором уделяется внимание проблемным вопросам квалификации, связанным с отграничением совокупности преступлений от сложных единичных преступлений. Также анализу подлежат разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, связанные с квалификацией совокупности преступлений.

Annotation. The article reveals the types of aggregation of crimes, as well as the features of the qualification of crimes committed in aggregation. The author pays attention to the problematic issues of qualification related to the delimitation of the totality of crimes from complex single crimes. Also subject to analysis are the clarifications contained in the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation related to the qualification of the totality of crimes.

Ключевые слова: единичное преступление, квалификация, множественность, продолжаемое преступление, совокупность, уголовная ответственность, умысел.

Key words: single crime, qualification, multiplicity, continued crime, totality, criminal liability, intent.

При расследовании любых видов преступлений обязательным является его правильная квалификация. Последняя предполагает точное установление всех признаков состава применительно к каждому расследуемому преступлению. Признаки состава во всех преступлениях должны толковаться единообразно.

Процесс квалификации любого преступления охватывает следующие этапы. В рамках первого этапа устанавливается соответствие совершенного общественно опасного посягательства всем признакам состава преступления. На данном этапе решается вопрос, является ли само деяние преступным или правонарушением, проступком. Определение родовых признаков преступления осуществляется в рамках второго этапа квалификации. В рамках третьего этапа устанавливается, является ли совершенное преступление простым или квалифицированным. То есть на третьем этапе производится последующая идентификация общественно опасного посягательства в рамках конкретной статьи уголовного закона.

Изложенный выше порядок квалификации преступлений носит общий характер. Квалификация совокупности преступлений характеризуется определенными

особенностями, вытекающими из содержания ст. 17 УК РФ.

В ч. 1 ст. 17 УК РФ предусмотрена реальная совокупность преступлений, под которой понимается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Ч. 2 ст. 17 УК РФ раскрывает идеальную совокупность преступлений – одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ.

Исходя из вышеуказанных признаков правоприменительными органами осуществляется квалификация совокупности преступлений. При этом, на практике в процессе квалификации совокупности преступлений правоприменительные органы сталкиваются с некоторыми проблемами.

Одной из актуальных проблем является отграничение совокупности преступлений от единичного преступления. Так, на практике преступником может быть совершено несколько действий, которые образуют не совокупность, а продолжаемое преступление. Основное отличие продолжаемого преступления от совокупности заключается в том, что продолжаемое преступление совершается через ряд тождественных действий, направленных на один объект преступного посягательства, охваченных единым умыслом и целью. Совокупность преступлений охватывает два и более уголовно-правовых состава, которые могут быть предметом судебного разбирательства. На основании изложенного, можно прийти к выводу о том, что совокупность преступлений и продолжаемое преступление отличаются различной количественной и качественной характеристиками [1, с. 113].

Как ранее было отмечено, действия, образующие продолжаемое преступление, охвачены единым умыслом, что при квалификации позволяет проводить разграничение между совокупностью преступлений и продолжаемым преступлением. Так, например, преступник первоначально намеревался причинить тяжкий вред здоровью потерпевшего. Однако, в ходе совершения преступления у него возник умысел на убийство потерпевшего. Вышеуказанные преступные действия образуют совокупность преступлений (ст. 111 и 105 УК РФ), так как изначально умысел был направлен на причинение вреда здоровью, как объекту уголовно-правовой охраны, в последующем — на жизнь. Соответственно, если правоприменительными органами в ходе квалификации будут приняты во внимание только объективные признаки совершенного преступления, то преступные действия подлежат квалификации по ст. 105 УК РФ. Однако, если учесть и субъективные признаки содеянного, то имеет место совокупность преступлений.

Так, при рассмотрении материалов уголовного дела в отношении Ч.Д. А. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, Шарыповский городской суд Красноярского края отметил следующее: по смыслу ч. 1 ст. 17 УК РФ неоднократные деяния образуют совокупность преступлений при отсутствии признаков продолжаемого преступления. Исследованные в судебном заседании доказательства свидетельствуют о том, что действия Ч.Д.А. образуют совокупность преступлений, поскольку совершаемые им деяния не были объединены единым умыслом, в связи с чем ответственность, согласно ст. 17 УК РФ, наступает за каждое из них [4].

Некоторые статьи Особенной части УК РФ раскрывают уголовно наказуемое деяние через перечисление альтернативных действий. Однако, совершение преступником всех действий, альтернативно указанных в диспозиции соответствующей статьи УК РФ, не образуют совокупности преступлений, являются сложным единым

преступлением и подлежат квалификации по одной части статьи уголовного закона, по одной статье уголовного закона. В качестве примера можно привести ч. 1 ст. 222 УК РФ. Если преступником было совершено одно из альтернативных преступных действий, указанных в статье УК РФ, то совершение данного преступного действия образует оконченное преступление.

При квалификации совокупности преступлений правоприменительные органы руководствуются как нормами действующего уголовного законодательства РФ, так и разъяснениями, сформулированными на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Однако, некоторые положения данных постановлений в научной среде вызывают справедливую критику. В качестве примера можно выделить абз. 2 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1, в котором содержится указание о квалификации оконченного и неоконченного убийства как совокупности преступлений. При этом, как отмечает О.Ю. Савельева, данный подход противоречит ч. 1 ст. 17 УК РФ. Убийство одного человека и покушение на жизнь другого человека не образуют совокупности преступлений. Данные преступные деяния должны квалифицироваться по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ или по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ [2, с. 146].

В ч. 3 ст. 17 УК РФ содержатся указания на особенности квалификации множественности преступлений в условиях конкуренции норм. Совокупность преступлений отсутствует, если уголовная ответственность за совершение уголовно наказуемого деяния предусмотрена как общей, так и специальной уголовно-правовыми нормами. В таких случаях лицо привлекается к ответственности только по специальной норме. Как правило, в специальных нормах относительно общих содержится конкретизация относительно способа совершения преступления, определенных свойств потерпевшего, субъективных признаков содеянного и др. С учетом того, что специальная норма охватывает общую норму с указанием на конкретные признаки, содеянное квалифицируется по данной норме. Так, например, на стадии предварительного расследования А.С.В. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 2 ст. 303 УК РФ. Однако, судом была обоснованно исключена квалификация по ч. 1 ст. 285 УК РФ, так как данная статья уголовного закона является общей по отношению к ст. 303 УК РФ, с учетом ч. 3 ст. 17 УК РФ, А.С.В. подлежит уголовной ответственности только по ч. 2 ст. 303 УК РФ [3].

Таким образом, в ходе квалификации совокупности преступлений правоприменительные органы руководствуются как ст. 17 УК РФ, так и разъяснениями, сформулированными на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ. При этом, положения, содержащиеся в Постановлении от 27 января 1999 г. № 1, связанные с квалификацией оконченного и неоконченного убийства, как совокупности преступлений, подвергаются критике в научной среде. При квалификации преступлений, совершенных в совокупности, правоприменительные органы сталкиваются с определенными проблемами. Наибольшие сложности связаны с отграничением совокупности преступлений от сложных единичных преступлений.

Библиографический список:

- 1) Арнаут, В.А. Отграничение совокупности преступлений от стадий неоконченного преступления / В.А. Арнаут // Аграрное и земельное право. — 2019. — № 3 (171). — С. 113 — 117.
- 2) Савельева, О.Ю. Отдельные вопросы квалификации преступлений против личности и смежных с ними составов преступлений: теория и практика / О.В. Савельева

// Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2021. — № 3. — Т. 1. — С. 146 — 156.

3) Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2009 г. №11-О09-137 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2010. — № 8.

4) Приговор Шарыповского городского суда Красноярского края от 11 июня 2021 г. по делу № 1-93/2021. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MpIp7zWYtUrF/> (Дата обращения: 16.07.2022).

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140